

Слбгу

12782

С176Г

СНБГ

М. С. 12782

СТИХОТВОРЕНИЯ

А. ФЕТА.

1993

МОСКВА.
1850.

Изъ книгъ
Н. Н. СТРАХОВА.

СПбГУ

двѣ 6 II 12782

СТИХОТВОРЕНІЯ

А. ФЕТА.

30316

Перев. 1960

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. СТЕПАНОВА.

1850.

Лен. Гос. Ун-т
Научная
библиотека им.
Гарьина

1847 г. 13 385

ВНЕШНЕГО

ДЕЛА

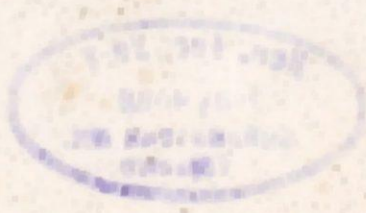
ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛИТСЯ

**съ тѣмъ, чтобы по окончаніи представлено было въ Цен-
сурный Комитетъ указанное число экземпляровъ. Москва.
Декабря 14 дня 1847 года.**

Ценсоръ В. Ликинъ.

ДЕЛО
1847

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СНѢГА.

I.

Я Русской, я люблю молчанье дали мразной,
Подъ пологомъ снѣговъ, какъ смерть однообразной....
Лѣса подъ шапками иль въ инеѣ сѣдомъ,
Да рѣчку звонкую подъ темносинимъ льдомъ.
Какъ любятъ находить задумчивые взоры,
Завѣянные рвы, навѣяныя горы,
Былинки сонныя, иль среди нагихъ полей,
Гдѣ холмъ причудливый, какъ нѣкій мавзолей,
Изваянъ полночью, — круженье вихрей дальныхъ
И блескъ торжественный при звукахъ погребальныхъ.

II.

Знаю я, что ты, малютка,
Лунной ночью не робка:
Я на снѣгъ вижу утромъ
Легкій оттискъ башмачка.

Правда, ночь при свѣтѣ лунномъ
Холодна, тиха, ясна;
Правда, ты не даромъ, другъ мой,
Покидаешь ложе сна.
Бриллианты въ свѣтѣ лунномъ,
Бриллианты въ небесахъ,
Бриллианты на деревьяхъ,
Бриллианты на снѣгахъ.
Но боюсь я, другъ мой милый,
Чтобы въ вихрь духъ ночной
Не завъялъ бы тропинку,
Проложенную тобой.

III.

Вотъ утро сѣвера—сонливое, скупое,
Лѣниво смотрится въ окно волоковое;
Въ печи трещить огонь — и сѣрый дымъ ковромъ
Тихошко стелется надъ кровлею съ конькомъ.
Петухъ заботливый, копаясь на дорогъ,
Кричитъ.... а дѣдушка брадатый на порогъ
Кряхтитъ и крестится схватившись за кольцо,
И хлопья бѣлые летятъ ему въ лицо.
И полдень настаеть. Но, Боже! какъ люблю я,
Какъ тройкою ямщикъ кибитку удалую
Промчить — и скроется.... И долго, мнится мнѣ,
Звукъ колокольчика трепещетъ въ тишинѣ.

IV.

Вѣтеръ злой, вѣтеръ крутой въ поле

Заливается,

А сугробъ на степной волѣ

Завивается.

При лунѣ, — на верстѣ морозъ

Огонечками, —

Про живыхъ вѣтеръ вѣсть пронеси

Съ позвоночками.

Подъ дубовымъ крестомъ свистить,

Раздувается.

Сѣрый заяцъ степной хруститъ,

Не пугается.

V.

Печальная береза

У моего окна,

И прихоть мороза

Разубрана она.

Какъ гроздь винограда,

Вѣтвей концы висятъ, —

И радостень для взгляда

Весь траурный нарядъ.

Люблю игру денницы

Я замѣчать на ней,

И жаль мнѣ, если птицы

Стряхнутъ красу вѣтвей.

VI.

Котъ поётъ, глаза прищуря,
Мальчикъ дремлетъ на коврѣ,
На дворѣ играетъ буря,
Вѣтеръ свищетъ на дворѣ.
«Полно тутъ тебѣ валяться,
Спрячь игрушки, да вставай!
Подойди ко мнѣ прощаться,
Да и спать себѣ ступай.»
Мальчикъ всталъ. А котъ глазами
Поводилъ и все поётъ;
Въ окна снѣгъ валитъ клоками,
Буря свищетъ у воротъ.

VII.

Чудная картина,
Какъ ты мнѣ родна:
Бѣлая равнина,
Полная луна.
Свѣтъ небесъ высокихъ,
И блестящій снѣгъ,
И саней далекихъ
Одинокій бѣгъ.

VIII.

Ночь свѣтла, морозъ сілетъ,
Выходи — снѣжокъ хруститъ;

Присяжная озябаешь
И на мѣстѣ не стоить.
Сядемъ — полость застегну я, —
Ночь свѣтла и ровень путь.
Ты умолкнешь — замолчу я
И пошелъ куда нибудь.
И летучею вѣдою
Зимней ночью при лунѣ,
Я душѣ твоей раскрою
Все, что ясно будетъ мнѣ.

IX.

На двойномъ стеклѣ узоры
Начертилъ морозъ,
Шумный день — свои дозоры
И гостей унесъ;
Смокнулъ яркій говоръ сплетней,
Скучный голосъ дня:
Благодатный и привѣтливый
Все кругомъ меня.
Предъ горящими дровами
Сядемъ — тамъ тепло.
Мѣсяцъ быстрыми лучами
Пронизалъ стекло.
Ты хитрила, ты скрывала,
Ты была умна;
Ты давно не отдыхала,
Ты утомлена.

Но люблю я утомленья
 Это созерцать:

Въ торжествѣ успокоенья
 Свѣтлой красоты,
Безъ улыбки, безъ движенья,
 Мнѣ понятна ты.

Слѣды

ГАДАНИЯ.

I.

Зеркало въ зеркало, съ трепетнымъ лепетомъ,
Я при свѣчахъ навела,
Въ два ряда свѣтъ — и таинственнымъ трепетомъ
Чудно горять зеркала.
Страшно припомнить душой оробѣлою —
Тамъ за спиной нѣтъ огня —
Тяжкое что-то надъ шею бѣлою,
Плаваешь, давить меня!
Ну — какъ уставятъ гробами дубовыми
Весь этотъ рядъ между свѣчь, —
Ну, какъ лохматый съ глазами свинцовыми
Выглянетъ вдругъ изъ-за плечь!
Ленты да радуги, ярче и жарче дня —
Чтожь?... обернись, погляди!...
Суженый! золото, серебро!... Чуръ меня,
Чуръ меня — сгинь, пропади!

II.

Слушай одна ты — намъ не годится
Мертвая тишь!...
Только и слышно, чуть шевелится
Резвая мышь.

»Чу! не стучите! кто-то шагаетъ

Вдоль закрововъ....

Сыплетъ да сыплетъ, пересыпаетъ

Рожь изъ мѣшковъ.

Сыплетъ орѣхи, деньги считаетъ,

Шубой шумить,

Всѣмъ надѣляетъ, все общаетъ,

Только сердить.»

Ну, а тебѣ что? «Тише, сестрицы!

Что-то несутъ:

Такъ и трясутся всѣ половицы, —

Что-то поютъ;

Гробъ забиваютъ крышей большою,

Кто-то завываетъ!

Страшно, сестрицы! знать надо мною

Шутъ подшутить.»

III.

Ночь крещенская морозна,

Будто зеркало — луна.

«Побѣгу: еще не поздно,

Да боюсь идти одна.»

Я, сестрица, за тобою

Не пойду — одна иди!

Я съ тобою, за избою —

Наводи да наводи!

Ничего: пѣсь рѣбый ходить,

Вотъ и сѣрый у воротъ...

И красавица наводитъ,
И никакъ не наведетъ.
«Вижу, вижу! потянулись:
Разъ, два, три, четыре, пять...
Заструились, покачнулись,
Стало только три опять.
Ну, захочетъ почудесить,
Со страстей рехнуся я...
Шесть, семь, восемь, девять, десять —
Чешуя какъ чешуя...
Вотъ одиннадцать — все лица, —
«Вотъ собаки лай и вой...
Чуръ меня!...» — Ну что, сестрица? —
«Раскрасавецъ молодой!»

VI.

Помню я: — старушка няня
Мнѣ въ рождественской ночи,
Про судьбу мою гадала,
При мерцаніи свѣчи,
И на картахъ выходили
Интересы да почетъ.
Няня, няня! ты ошиблась,
Обмануль тебя расчетъ;
Но за то уже влюбился
Твой воспитанникъ не въ мочь.
Погадай мнѣ, другъ мой няня,
Нынче святочная ночь.

Что? Не будет ли свиданья,
Разговоръ иль письма?
Выйдетъ пиковая дама
Иль бубновая сама?
Няня добрая гадаеть,
Грустно голову склоня;
Свѣчка тихо нагораетъ,
Сердце бьется у меня.

v.

Перекрестокъ, гдѣ ракирка
И стоитъ и спить:
Тихо ветхая калитка
За плетнемъ скрыпить.
Кто-то крадется сторожкой: —
Санки пробѣгутъ:
И вопросъ раздастся звонкой:
Какъ тебя зовутъ?...
И отвѣтъ, какъ голосъ рока,
Прозвучитъ въ расщель:
Тьмогрѣйку имъ высоко
Приподниметъ вздохъ.

МЕЛОДИИ.

1.

Перлы восточные — зубы у ней,
Шелкъ шемаханскій — коса;
Мягко и ярко, что утро весной,
Святятъ большіе глаза.
Перси при каждомъ дыханьи у ней
Такъ выдаются впередъ,
Будто двѣ полныя чаши на грудь
Ей опрокинулъ Эротъ;
Если же съ чувствомъ скажетъ: «люблю» —
Чувство и слово лови!
Къ этому слову — ты словъ не найдешь, —
Чувства для этой любви.

2.

Какъ умъ къ ней идетъ, какъ къ ней чувство идетъ,
Какъ чувство съ умомъ въ ней умѣтъ сродниться,
Умѣтъ родное найти — и на немъ
Такъ ярко и тонко всегда отразиться.
Сквозь ставень окна, серебристымъ лучемъ
Такъ въ спальню прекрасной луна проникаетъ,
На столъ упадетъ — и нашедши на немъ
Алмазь позабытый, съ алмазомъ играетъ.

Не отходи отъ меня,
Другъ мой, останься со мной!
Не отходи отъ меня:
Мнѣ такъ отрадно съ тобой...
Ближе другъ къ другу чѣмъ мы,
Ближе нельзя намъ и быть;
Чище, живѣе, сильнѣй,
Мы не умѣемъ любить.
Если же ты — предо мной
Грустно головку склоня, —
Мнѣ такъ отрадно съ тобой:
Не отходи отъ меня!

Утромъ курится поляна,
Вьется волнистый туманъ,
И на развивы тумана
Весело смотритъ Титанъ.
Шире грудей колыханье,
Локонъ свивается вновь, —
Слаще младое дыханье
И непорочнѣй любовь....
Утро какъ сонъ новобрачной,
Полно стыда и огня —
Все, что вечеръ было мрачно,
Ясно въ сіяніи дня.

5.

Тихая, звездная ночь....
Трепетно светит луна:
Сладки уста красоты
В тихую, звездную ночь.

Дѣва — радость любви!
Звѣзды что очи твои:
Въ небѣ луна и въ водѣ,
Будто печаль и любовь.

Другъ мой! я звѣзды люблю
И отъ печали не прочь,
Ты же, еще мнѣ милѣй
Въ тихую, звездную ночь.

6.

Я полонъ думъ, когда, закрывши вѣжды,
Внимаю шумъ
Младаго дня и молодой надежды:

Я полонъ думъ.

Я все съ тобой, когда рука неволи
Владѣетъ мной —
И цѣлый день, будь ясно ли, темно ли —

Я все съ тобой.

Я жду тебя подъ сладкій шумъ фонтана,
И потопа

Туда глаза, гдѣ крадется Діана —

Я жду тебя.

7.

Буря на небѣ вечернемъ,
Моря сердитаго шумъ —
Буря на морѣ и думы,
Много мучительныхъ думъ —
Буря на морѣ и думы,
Хоръ возрастающихъ думъ —
Черная туча за тучей,
Моря сердитаго шумъ.

8.

Давноль подь волшебные звуки
Носились по залѣ мы съ ней?
Теплы были нѣжныя руки,
Теплы были звѣзды очей.

Вчера пѣли пѣснь погребенья,
Безъ крыши гробница была;
Закрывши глаза, безъ движенья, —
Она подь парчею спала.

Я спалъ... надь постелью моею
Стояла луна мертвецомъ:
Подь чудные звуки мы съ нею
Носились по залѣ вдвоемъ.

NOCTURNO.

Ты спишь одинъ, забытъ на мѣстѣ дикомъ,
Старинный монастырь!
Твой сводъ упаль; кругомъ летаютъ съ крикомъ
Сова и нетопырь.

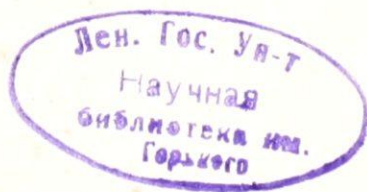
И стеколь нѣтъ, и свищеть вихорь ночи
Во впадину окна,
Да плющъ растеть, да устремляетъ очи
Полночная луна.

И кто-то тамъ мелькаетъ въ свѣтъ лунномъ,
Блестить его уборъ —
И слышатся на помостѣ чугунномъ
Шаги и звуки шпоръ.

И грустную симфонію печали
Звучить во тѣмь органъ....
То тихо все, какъ будто вѣчно спали
И стѣны и органъ.

10.

Когда я блестящій твой локонъ цѣлую
И жарко дышу такъ на милую грудь. —
Зачѣмъ говоришь ты про дѣву иную
И въ очи мнѣ прямо не смѣешь взглянуть?

30316

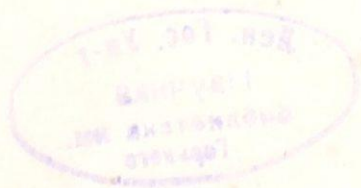
Хоть вечеръ и близокъ, не бойся! Отъ стужи
Тебя я въ широкій свой плащъ заверну —
Луна не въ туманъ, а звѣздъ хоть и много,
Но мы заглядимся съ тобой на одну.
Хоть въ сердце не вѣруй... хоть вѣруй въ мгновенье,
И взоръ мой, и трепеть, и лепеть пойми —
И жаркимъ лобзаньемъ спаливши сомнѣнье,
Ревнивая дѣва меня обойми!

11.

Въ рукъ съ тамбуриномъ, въ глазахъ съ упоеньемъ —
Ты гнешься и вьешься, плывешь и летишь:
Такъ чуткая травка подъ грезы Эола,
Подъ сонную арфу качается въ тишь.
Такъ въ тѣль, такъ въ членахъ, объятыхъ забвеньемъ,
Одно безъусталое сердце стучить,
Въ тотъ часъ, какъ при звѣздахъ недвижныхъ, холодныхъ,
Одна яркой искрою къ безднѣ летить.

12.

Я узнаю тебя и твой бѣлый вуаль,
Гдѣ роиаетъ цветы благовонный миндаль,
За рѣшеткою сада, съ лихаго коня,
И въ ночи при лунѣ, и въ сяннн дня;
И гитару твою далеко слышу я,
Подъ журчанье фонтана и пѣснь соловья...
Днемъ и ночью гляжу сквозь рѣшетку я вдаль —
Не мелькнетъ ли въ саду бѣлоснѣжный вуаль.

13.

Мы ѣхали двое.... Подъ нею
Шель мѣрно и весело муль;
Мы въѣхали молча въ аллею,
И лучь изъ за мирты блеснуль.
Всѣ гроздя по темной аллеѣ
Зажглися прощальнымъ огнемъ —
Горять все свѣтлѣе, алѣе,
И вотъ мы въ потемкахъ вдвоемъ.
Не бойтесь, синьора! Я съ вами —
И ручку синьоры я взялъ,
И долго, прильнувши устами,
Я ручку ея цѣловалъ.

14.

За красавицу сосѣдку,
За глаза ея —
Виноградную бесѣдку
Не забуду я.
Помню вѣтренной смуглянки
Рѣзкій, долгій взоръ —
Помню милой итальянки
Утренній уборъ....
Жаркой груди половину,
Смоль ея кудрей —
И плетеную корзину
На рукѣ у ней.

И прозрачной тѣни сѣтку
На лицѣ ея —
Виноградную бесѣдку
Не забуду я.

15.

Теплымъ ветромъ потянуло,
Смолкъ далекій гуль....
Поле тусклое уснуло,
Гуртовщикъ уснулъ.
Въ загородкѣ улеглись
И жуютъ волю,
Звѣзды чистыя зажглись
По навѣсу мглы.
Только хоръ свой огибаетъ
Мѣсяць золотой,
Только стадо обгаетъ
Песъ сторожевой.
Да и тотъ задремлетъ чутко —
Не усну лишь я....
Огонекъ блеснулъ... малютка
Вѣрно ждетъ меня.

Между счастьемъ вѣчнымъ твоимъ и моимъ
Безконечное, другъ мой, пространство.
Не клянись мнѣ, я вѣрю: я точно любимъ,
И похвально твое постоянство;
Я и самъ и люблю и ласкаю тебя.
Эти локоны чудно — упруги!
Сколько вѣры въ глазахъ!... Я скажу не шутя:
Мнѣ не выбрать милѣе подруги.
Но къ чему тутъ обманъ? Говоримъ что хотимъ;
И къ чему осторожное чванство?
Между счастьемъ вѣчнымъ твоимъ и моимъ
Безконечное, другъ мой, пространство.

2.

Если зимнее небо звездами горитъ
И мечтательно свѣтитъ луна,
Предо мною твой образъ, твой дивный скользитъ,
Предо мною ты вся создана
И свѣтла и легка, ты несешься туда.
Я гляжу и молчу хоть слѣдовъ.
И свѣтла и легка — но зато ни слѣда;
Только грудь обуяетъ любовь,
И летѣлъ бы, летѣлъ за красою твоей.
И пускай въ небѣ звезды горять,
И быстрѣй и свѣтлѣй мириады лучей
На пылинки ночны глядятъ.

5.

Полуночные образы рвють,
Блещуть искрами ярко въ потьмахъ;
Но глаза различить не умьютъ,
Многоль ихъ на тревожныхъ крылахъ.
Полуночные образы стонуть,
Какъ больной въ утомительномъ снѣ,
И всплываютъ, и стонуть, и тонуть;
Но о чемъ это стонуть онѣ?
Полуночные образы воють,
Какъ духовъ испугавшійся пѣсь.
Я боюсь, они мнѣ откроютъ,
Что я самъ ихъ призывъ произнёсъ.

4.

Я долго стоялъ неподвижно,
Въ далекія звезды вглядясь, —
Межъ тѣми звездами и мною
Какая-то связь родилась.
Я думалъ... не помню, что думалъ;
Я слушалъ таинственный хоръ,
И звезды тихонько дрожали,
И звезды люблю я съ тѣхъ поръ....

5.

Шумѣла полночная вьюга
Въ лѣсной и глухой сторонѣ;
Мы съли съ ней другъ подѣ друга —
Валежникъ свисталъ на огонь.

И нашихъ двухъ тѣней громады
Лежали на красномъ полу,
А въ сердцѣ ни искры отрады
И нѣчьмъ прогнать эту тьму!
Березы скрипятъ за стѣною,
Сукъ ели трещитъ смоляной...
О, другъ мой! скажи, что съ тобою?
Я знаю давно что со мной.

6.

Улыбка томительной скуки
Средь общей веселія жажды...
Вы, полные, сладкіе звуки —
Знать сердцу не слушать ихъ дважды...
За чѣмъ же за тающей скрипкой
Такъ сердце въ груди вострепелось,
Какъ-будто знакомой улыбкой
Минувшее вдругъ улыбнулось?
Такъ томно и грустно — небрежно
Въ свой міръ разцвѣченный уносить
И ластится къ сердцу такъ нѣжно,
И такъ умиительно просить?
Подъ сладостный голось роднаго,
Въ завѣтной святынѣ раздумья,
Такъ много трепещетъ былого,
И молить у сердца безумья;
Но вѣкія слѣзы разлуки
Душевной не уняли жажды: —
Вы, полные, сладкіе звуки,
Знать сердцу не слушать ихъ дважды!...

(СЕРЕНАДА).

Тихо вечеръ погараеть
Горы золотя;
Знойный воздухъ холодаеть —
Спи мое дитя.
Соловьи давно запѣли,
Сумракъ возвѣстя;
Струны робко зазвенѣли —
Спи мое дитя.
Блещутъ ангельскія очи,
Трепетно свѣтя;
Такъ легко дыханье ночи —
Спи мое дитя.
Такъ легко и такъ привольно
Страсти укротя,
Въ сердцѣ вымолвишь невольно:
Спи мое дитя.

Тихо ночью на степи
Небо ей сказало: спи!
И курганы спать;
Звѣзды жъ крупныя въ лучахъ
Говорятъ на небесахъ:
Вѣчный Святъ, Святъ, Святъ!
Въ небѣ чутко и свѣтло.
Неподвижное крыло

За плечемъ молчитъ,
Нѣтъ движенья; лишь порой
Бриллиантовой слезой
Ангель пролетитъ.

9.

За кормою струйки выются,
Мы несемъ въ челнокъ
И далѣко раздаются
Звуки Нормы по рѣкѣ.
Млечный путь глядится въ воду —
Свѣтлый праздникъ свѣтлыхъ лѣтъ!
Я весломъ прибавилъ ходу
И луна бѣжитъ во слѣдъ.
По неволѣ пѣсни выются:
Ты съ гитарою въ рукѣ,
И далѣко раздаются
Звуки Нормы по рѣкѣ.

10.

ИЗЪ БАЙРОНА.

О солнце, глазъ безсонныхъ! Звѣздный лучъ,
Какъ слезно ты дрожишь межъ дальнихъ тучъ
Сопутникъ мглы — блестящій стражъ ночной,
Какъ по быломъ тоска сходна съ тобой,

Такъ свѣтитъ намъ блаженство давнихъ лѣтъ,
Горить, а все не грѣетъ этотъ свѣтъ;
И гостя думъ воздушная видна,
Но далеко — ясна, но холодна.

11.

ИЗЪ МУРА.

Прощай, Тереза! Печальныя тучи,
Что томнымъ покровомъ луну облекли,
Еще помѣшаютъ улыбкѣ летучей,
Когда твой любовникъ ужъ будетъ вдали.
Какъ эти тучи, я долгою тьною
Мрачилъ твое сердце и жилъ безъ заботъ.
Сошлись мы — какъ вѣрила ты наслажденью,
Какъ вѣрила счастью; — о Боже! и вотъ,
Теперь — свободна ты, диво созданья:
Скорѣ тяжелый свой сонъ разгоняй;
Смотри и луны ужъ прошло обаянье
И тучи минуютъ; — Тереза, прощай!

12.

Мы одни; изъ сада въ стекла оконъ
Свѣтитъ мѣсяць.... тусклы наши свѣчи;
Твой душистый, твой послушный локонъ,
Развиваясь, падаетъ на плечи.

Чтожъ молчимъ мы? или самовластно
Царство тихой, свѣтлой ночи майской?
Иль поеть и ярко такъ и страстно
Соловей надъ розою китайской?
Знать цвѣты, которыхъ нѣтъ заветнѣй,
Распустились въ нѣгѣ своевольной?
Знать и кактусъ побѣлѣль столѣтнѣй,
И бананъ и лотосъ богомольной?
Иль проснулись птички за кустами,
Тамъ, гдѣ вѣтеръ колыхаль ихъ гнѣзды?
И дрожа ревнивыми лучами
Ближе, ближе къ намъ нисходятъ звѣзды?
На суку извилистомъ и чудномъ
Пестрыхъ сказокъ пышная жилица
Вся въ огнѣ, въ сіяньи изумрудномъ,
Надъ водою качается жарь-птица;
Расписныя раковины блещутъ
Въ переливахъ чудной позолоты,
До луны жемчужной пѣной мещутъ
И алмазной пылью водометы.
Листья полны свѣтлыхъ насѣкомыхъ,
Все растеть и рвется вонь изъ мѣры;
Много сновъ проносится знакомыхъ
И на сердце много сладкой вѣры.
Переходятъ радужныя краски,
Раздражая око свѣтомъ ложнымъ;
Мигъ еще.... и нѣтъ волшебной сказки,
И душа опять полна возможнымъ.
Мы одни; изъ сада въ стекла оконъ
Свѣтитъ мѣсяць.... тусклы наши свѣчи.

Твой душистый, твой послушный локонъ,
Развиваясь, падаетъ на плечи.

15.

Недвижныя очи, безумныя очи,
Зачѣмъ вы средь дня и въ часы полуночи
Такъ жадно вперяетесь вдаль?
Ужели вы въ томъ потонули минувшемъ,
Котораго сердцу такъ жаль?
Не вамъ возродить, чего нѣтъ и что было,
Что сердце, какъ святость, въ себѣ схоронило
На самое темное дно;
Не вамъ допросить у случайности жадной,
Куда она скрыла рукой безпощадной,
Что было такъ щедро дано.

14.

Весеннее небо глядится
Сквозь вѣтви мнѣ въ очи случайно
И тѣнь золотая ложится
На воды блестящаго Майна.
Вдали огонекъ одинокой
Трепещетъ подъ сумракомъ липокъ,
Исполнена тайны жестокой
Душа замирающихъ скрипокъ.
Средь шума толпы неизвѣстной
Тѣ звуки понятнѣй мнѣ вдвое:

Напомнили силой чудесной
Они мнѣ все сердцу родное.
Ожившая память несѣтся
Къ прошедшей тоскѣ и веселью;
То сердце замретъ, то проснется
За каждой безумною трелью.
Но быстро волшебной чредою
Промчалась тоскливая тайна
И мѣсяць бѣжить полосою
Вдоль водъ тихоструйнаго Майна.

15.

Какъ мошки зарею,
Крылатые звуки толпятся;
Съ любимой мечтою
Не хочется сердцу разстаться.
Но цвѣтъ вдохновенья
Печалень средь буднишнихъ терній;
Былое стремленье
Далеко, какъ выстрѣль вечерній.
Но память былого
Все крадется въ сердце тревожно.
О, еслибъ безъ слова
Сказаться душой было можно!

16.

Спи — еще зарею
Холодно и рано;
Звѣзды за горою
Блещутъ средь тумана;
Пѣтухи недавно
Въ третій разъ пропѣли,
Съ коломъни плавно
Звуки пролетѣли.
Дышутъ липъ верхушки
Нѣгою отраднѣй,
А углы подушки
Влагою прохладнѣй.
Скоро вспыхнуть тучки,
Горы и потоки,
А у блѣдной ручки
Молодыя щеки.

17.

VEILLE SUR CE QUE J'AIME.

Бди надъ тѣмъ, что сердцу мило,
Неизмѣнное свѣтило —
Звѣздочка моя.
Свѣтлыхъ сновъ и благодати
Ей, какъ спящему дитяти;
Умоляю я!

Сводъ небесный необъятенъ...
Чтобъ на немъ ей былъ понятенъ
Ходъ усталыхъ тучъ,
Твой восходъ, твоё стремленье
И молитвенное бдѣнье,
И дрожащій лучъ.

18.

Какъ отрокъ зарею
Лукавые сны вспоминаетъ,
Я звука душою
Ищу, что въ душѣ обитаетъ.
Хоть въ сердцѣ нѣтъ вѣры
Въ живое преданій наследство,
Люблю я химеры,
Гдѣ рдѣть румяное дѣтство.
Быть можетъ, что сонный
Со сномъ золотымъ встрепенется,
Иль стихъ благовонный
Изъ устъ разомкнутыхъ полетитъ.

19.

Свѣжъ и душистъ твой роскошный вѣнокъ,
Всѣхъ въ немъ цвѣтовъ благовонія слышны;
Кудри твои такъ обильны и пышны,
Свѣжъ и душистъ твой роскошный вѣнокъ.

Свѣжъ и душистъ твой роскошный вѣнокъ,
Яснаго ока губительна сила.

Нѣтъ, я не вѣрю, чтобъ ты не любима: —
Свѣжъ и душистъ твой роскошный вѣнокъ.

Свѣжъ и душистъ твой роскошный вѣнокъ!
Счастію сердце легко отдается:
Мнѣ близъ тебя хорошо и поется.
Свѣжъ и душистъ твой роскошный вѣнокъ!

20.

Младенческой ласки доступенъ мнѣ лепетъ:
Душа откровенно такъ съ жизнью мирится.
Безумнаго счастья томительный трепетъ
Горячимъ приливомъ по сердцу стремится.

Скажу той звѣздѣ, что такъ ярко сіяетъ:
Давно не видались мы въ міръ широко,
Что я понимаю, на что намекаетъ
Мнѣ съ неба она многозначущимъ окомъ.

Ты смотришь мнѣ въ очи. Ты права: мой трепетъ
Понятенъ, какъ лучъ твой, что въ воды глядится.
Младенческой ласки доступенъ мнѣ лепетъ:
Душа откровенно такъ съ жизнью мирится.

ВЕЧЕРА И НОЧИ.

I.

Право, отъ полной души я благодаренъ сосѣду.
Славная вещь — подъ окномъ въ клеткѣ держать соловья....
Грустно въ неволь пѣвцу, но чары сильны у природы!
Только прощальнымъ огнемъ озлаятся кресты на церквахъ,
И въ разцвѣтающій садъ за высокимъ, ревнивымъ заборомъ
Вечера свѣжесть вдыхать выйдетъ сосѣдка одна —
Вespera тайны въ пѣвцѣ пробудятъ желаніе воли
И подъ окномъ соловей громко засвищетъ любовь.
Что за чело у нея! за атласныя плечи и руки!
Что за янтарный отливъ на роскошныхъ извивахъ волось!
Станъ — загляденье! притомъ, какая вертлявая ножка!
Впрочемъ, зачѣмъ мнѣ роптать на высокій заборъ? Въ эту щель
Можетъ быть лучше она мнѣ кажется. Трудъ наслажденья
Цѣну ему самому удвоюетъ.... Но вечеръ насталь....
Что жъ не поетъ соловей, иль чтожъ не выходитъ сосѣдка?...
Можетъ сегодня мы всѣ трое другъ друга поймемъ.

II.

Вдали огонекъ за рѣкою,
Вся въ блескахъ струится рѣка;
На лодкѣ весло удалое,
На цѣпи не видно замка.

Никто мне не скажетъ: «куда ты
Побхаль, куда загадалъ?»
Шевелись же, весло, шевелися —
А берегъ во мракъ пропасть!
Да что же? За чѣмъ бы не ѣхать?
Дождешься въ вечерней порой
Опять и желанья и лодки,
И весла и огня за рѣкой!...

III.

Я люблю многое, близкое сердцу,
Только рѣдко люблю я...
Чаще всего мнѣ приятно скользить по заливу
Такъ, — забываясь
Подъ звучную мѣру весла,
Омоченнаго пѣной шипучей...
Да смотреть, многоль отѣхалъ
И многоль осталось,
Да не видать ли зарницы...
Изъ всѣхъ островковъ,
На которыхъ рѣдко мерцають
Огни рыбаковъ запоздалыхъ,
Милъ мнѣ одинъ предпочтительно...
Красноглазый кроликъ
Любить его;
Гордый лебедь, каждой весною,
Съ протянутой шеей, летаетъ вокругъ
И садится у берега

На тихія воды.

Надъ обрывомъ утеса

Ростеть, помавая вѣтвями,

Широколиственный дубъ.

Сколько ужъ лѣтъ тутъ живетъ соловей!

Онъ поетъ по зарямъ,

Да и позднею ночью, когда

Мѣсяцъ обманчивымъ светомъ

Сребритъ и волны и листья....

Онъ не молкнетъ, поетъ

Все громче и громче.

Странныя мысли

Приходятъ тогда мнѣ на умъ:

Что это — жизнь, или сонъ?....

Счастливъ я или только обмануть?

Нѣтъ отвѣта....

Мелкія волны что-то шепчутъ съ кормою,

Весло недвижимо,

И на небѣ ясномъ высоко сверкаетъ зарница.

IV.

Скучно мнѣ вѣчно болтать о томъ, что высоко, прекрасно;

Всѣ эти толки меня только къ зевотѣ ведутъ....

Бросивъ педантовъ, бѣгу съ тобой побесѣдовать, другъ мой;

Знаю, что въ этихъ глазахъ, черныхъ и умныхъ глазахъ,

Больше прекраснаго, чѣмъ въ нѣсколькихъ стахъ фолантахъ,

Знаю, что сладкую жизнь пью съ этихъ розовыхъ губъ.

Только пчела узнаетъ въ цветкѣ затаенную сладость,

Только художникъ на всемъ чуетъ прекраснаго следъ.

*

V.

Долго еще прогорить Вespera скромная лампа;
Но уже светить съ небесъ дѣвы измѣнчивый ликъ,
Тонкія змѣйки серебра блещутъ на влагѣ уснувшей,
Звѣздное небо во мглѣ дальняго облака ждетъ.
Вотъ потянулось оно, легкому вѣтру послушно,
Скрыло богиню, и мракъ сладостный землю покрылъ.

VI.

Я жду.... Соловиное эхо
Несется съ блестящей рѣчки,
Трава при лунѣ въ брилліантахъ,
На тминѣ горять свѣтляки.
Я жду.... Темносинее небо
И въ мелкихъ и въ крупныхъ звѣздахъ;
Я слышу бѣненіе сердца
И трепеть въ рукахъ и въ ногахъ.
Я жду.... Вотъ повѣяло съ юга,
Тепло мнѣ стоять и идти;
Звѣзда покатила на западъ....
Прости золотая, прости!

VII.

Здравствуй! тысячу разъ мой привѣтъ тебѣ, ночь!
Опять и опять я люблю тебя;
Тихая, теплая,
Серебромъ окаймленная!

Робко, свѣчу потушивъ, подхожу я къ окну...
Меня не видать, за то самъ я все вижу....
Дождусь, непременно дождусь:
Калитка вздрогнетъ растворяясь,
Цвѣты закачавшись сильнѣе запахнуть, и долго,
Долго при мѣсяцъ будетъ мелькать покрывало.

VIII.

Другъ мой, безсильны слова, — одни поцалуи всеильны....
Правда, въ запискахъ твоихъ весело мнѣ наблюдать,
Какъ приливъ и отливъ мыслей и чувства мѣшаютъ
Ручкѣ твоей повѣрять то и другое листку;
Правда, и самъ я пишу стихи послушной богинѣ;
Много и риѣмъ у меня, много размѣровъ живыхъ.....
Но межъ ними люблю я риѣмы взаимныхъ лобзаній,
Съ нежной цезурою усть, съ вольнымъ размѣромъ любви.

IX.

Ночью какъ-то вольнѣе дышать мнѣ,
Какъ-то просторнѣй....
Даже въ столицѣ не тѣсно!
Окна растворишь:
Тихо и чутко
Плыветъ прохладительный воздухъ.
А небо? а мѣсяцъ?
О! этотъ мѣсяцъ волшебникъ!
Какъ будто бы кровли
Покрываютъ зеркальнымъ стекломъ,

Шпиль и кресты — бриллианты;
А тамь за луной горизонтъ
Чѣмь дальше — свѣтлѣй и прозрачнѣй.
Смотришь — и дышишь,
И слышишь дыханье свое,
И бой отдаленныхъ часовъ,
Да крикъ часоваго,
Да изрѣдка стукъ колеса,
Или пѣніе вѣстника утра.
Чтобы проплыть тому облаку мимо!
На что ему мѣсяць?...
Знать ужь такъ должно, знать предназначено было.

Х.

Радъ я дождю.... Отъ него тучнѣетъ мягкое поле,
Листъ зеленѣетъ на веткѣ и воздухъ становится чище....
Зелени запахъ одну за одной изъ улыбокъ многошумныхъ
Пчель вызываетъ.
Но, что для меня еще лучше,
Это — когда онъ ее на дорогѣ ко мнѣ орошаетъ!
Мокрые волосы, гладко къ челу прилегая,
Такъ и сіяютъ у ней; а губки и блѣдныя ручки
Такъ холодны, что нельзя не согрѣть ихъ, подложу устами.
Но нестерпимъ ты мнѣ ночью бессонною, Пловій Юпитеръ.
Лучше согласенъ я крысъ и мышей въ моей комнатѣ слушать,
Лучше колеса пускай гремятъ непрестанно у оконъ,
Чѣмь этотъ шумъ и удары глупыхъ, безсмысленныхъ капель;
Точно какъ будто-бы птицъ проклятое стадо

Сотнями ногъ и псовъ терзають желѣзную кровлю.
Юпитеръ Пловій — помилуй! Расти, сколько хочешь, цвѣ-
товъ ты
Для прекрасной и лавровъ юныхъ на кудри поэта,
Только помилуй! не бей по ночамъ мнѣ въ желѣзную кровлю.

XI.

Слышишь ли ты, какъ шумить крылами угольное стадо?
Съ крикомъ летать черезъ домъ къ теплымъ полямъ журавли,
Жѣлтые листья шумять, въ березникъ свищеть синица.
Ты говоришь, что опять теплой дождался весны....
Развѣ зимой у тебя меньше ланиты цветуть?...
Въ зеркаль часто себя ты видишь съ дѣтской улыбкой,
Свой поправляя вънокъ; такъ разреши мнѣ сама,
Гдѣ у тебя на лицѣ болѣе жизни и страсти,
Вешнимъ ли утромъ въ саду, въ полномъ сіяньи зари,
Иль у огня моего, когда я боюсь, чтобы искра,
Съ трескомъ прыгнуть, не сожгла ножки малютки твоей?

XII.

Каждое чувство бываетъ понятнѣй мнѣ ночью и каждый
Образъ пугливо-нѣмой долѣе трепещеть во мглѣ....
Самые звуки доступнѣй, даже когда неподвиженъ
Книгу держу я въ рукахъ, самъ пробѣгая въ умъ
Все невозможно-возможное, странно-бывалое.... Лампа
Томно у ложа горить, мѣсяць смѣется въ окно,

А въ отдаленіи колоколь вдругъ запоётъ — и тихонько
Въ комнату звуки плывутъ; я предаюсь имъ вполне:
Сердце въ нихъ находило всегда какую-то влагу,
Точно какъ будто росой ночи омыты они....
Звукъ все тотъ же поётъ, но съ каждымъ порывомъ иначе:
То въ немъ мѣди тугой болѣе, то серебра.
Странно, что ухо въ ту пору, какъ будто не слушая, слышитъ...
Въ мысляхъ иное совсѣмъ, думы волна за волной,
А между тѣмъ еще глубже сокрытая сила объемлетъ
Лампу и звуки, и ночь—ихъ сочетавши въ одно:
Такъ посвящая все больше и больше пылливую душу,
Ночь научаетъ ее міръ созерцать и себя.

ХІІІ.

Любо мнѣ въ комнату ночью стоять у окошка въ потемкахъ,
Если луна съ высоты прямо глядитъ на меня,
И, проникая стекло, нарисуетъ квадраты лучами
По полу, — комнату всю дымомъ прозрачнымъ поя;
А за окошкомъ въ саду между листьевъ сирени и липы,
Черныя группы дѣля, зыбкимъ находить лучемъ
Всѣ промежутки — и внизъ ея золоченія стрѣлы
Яркимъ стремятся дождемъ, иль одинокій листокъ
Луиному свѣту мѣшаетъ разсыпаться по-земи; самъ же,
Свѣтомъ осыпанный весь, черѣнь дрожить на тени.
Я восклицаю: блаженъ трижды, блаженъ, о Діана!
Кто всемогущей судьбой въ тайны твои посвященъ,

XIV.

Лѣтній вечеръ тихъ и ясенъ;
Посмотри, какъ дремлютъ ивы,
Западъ неба блѣдно-красенъ
И рѣки блестятъ извивы.
Отъ вершинъ скользя къ вершинамъ,
Вѣтръ ползеть лѣсною высю.
Слышишь ржанье по долинамъ:
То табунъ несется рысью.
Да оставь окно въ покоѣ,
Подожди еще немножко —
Я не знаю, что такое,
Полетѣль бы изъ окошка.

XV.

Что за вечеръ, а ручей
Такъ и рвется;
Какъ зарей-то соловей
Раздается.
Мѣсяць свѣтомъ съ высоты
Обдалъ нивы,
А въ оврагъ блескъ воды,
Тѣнь, да ивы.
Знать давно въ плотинѣ течь:
Доски гнилы;
А нельзя здѣсь не прилечь
На перилы.

Такъ-то все весной живетъ!

Въ рощѣ, въ полѣ

Все трепещетъ и поетъ

По неволѣ.

Мы замолкнемъ, что въ кустахъ

Хоры эти —

Прійдутъ съ пѣснью на устахъ

Наши дѣти;

А не дѣти, такъ пройдутъ

Съ пѣснью внуки:

Къ нимъ съ весною низойдутъ

Тѣже звуки.

ТАЛИСМАНЪ.

I.

Октавами и повесть, признаюсь!
И, полноте, ну что я за писатель?
У насъ беда! и, право, я боюсь,
Такъ ни за что услышишь: подражатель!
А по размеру, я на васъ сошпось,
И вы не рѣдко судите, читатель.
Но что же дѣлать? видно такъ и быть:
Бояться волка, въ лѣсъ нельзя ходить.

II.

Вы знаете, деревню я люблю
И зимній бытъ; плохой я горожанинъ.
А этой жизни душной не терплю,
И повестью напому образъ Танинъ,
Сугробами деревню завало,
Какъ некогда январскій Москвитянинъ....
Но, виновать! я знаю, вамъ милѣй
Тверской бульваръ невѣдомыхъ полей.

III.

Вась не займеть отлогій косогорь
И ветхій храмъ, съ безмолвной колокольней,
И синій лѣсъ по скату бѣлыхъ горь;
Не станете вы внутренно довольнѣй
Разсматривать старинный барскій дворь,
И въ тѣхъ мѣстахъ молиться богомольнѣй.
Но вѣрно есть въ нихъ скрытая печаль:
Иначе чтожь — зачѣмъ же мнѣ ихъ жаль?

IV.

Тамъ у меня ни близкихъ, ни родни,
Но знать душѣ напомнили тѣ горы
Мѣста иныя, гдѣ, въ былые дни,
Звучали въ замкахъ рыцарскія шпоры,
Блистали въ окнахъ яркіе огни
И дамскіе роскошные уборы,
И гдѣ теперь — давно ли былъ я тамъ?
Ни заль, ни шпорь, ни благородныхъ дамъ.

V.

Да, все пройдетъ своею чередой!
Давно ли онъ, романтиковъ образчикъ —
Про степь и глушь бесѣдовалъ со мной?
Онъ былъ и славный малой и рассказчикъ;
Но вотъ вся жизнь его покрыта мглой,
Онъ самъ давно улегся въ долгій ящикъ.
Но помню я въ его рассказахъ ночь;
Я вамъ рассказъ тотъ передамъ точь въ точь.

VI.

«Шестнадцать лѣтъ, я помню, было мнѣ,
Близь той деревни жилъ и я когда-то.
Не думайте, что я герой вполнѣ,
Что жизнь моя страданьями богата.
Пришла пора, и вздумалось роднѣ
Почти ребенка превратить въ солдата.
Казалось, въ даль стремился я душой,
Но я любилъ, то былъ обманъ пустой.

VII.

«Кто юныхъ лѣтъ волненія не знаетъ?
И первой страсти пылкой, но послушной,
Во дни надеждъ о счастья не мечталъ
Съ веселиемъ улыбки простодушной?
И кто къ ногамъ судьбы не повергалъ
Кровавыхъ жертвъ любви великодушной?
И все пройдетъ: нельзя же вѣкъ любить;
Но есть и то, чего нельзя забыть.

VIII.

«Пора, пора изъ теплаго гнѣзда
На зовъ судьбы далекой подниматься!
Смеркался день, вечерняя звѣзда
Въ дали зажглась; я началъ одѣваться;
До ихъ села не дальняя тзда;
Передъ отъездомъ должно распрощаться.
Готова тройка, порскій снѣгъ взвился
И колокольчикъ жалко залился.

IX.

«Пошёл, пошёл! всего версть двадцать пять;
Да льдомъ поведемъ: тамъ ъзда ровнѣе.
Смотри, чтобъ намъ въ село не опоздать,
Хотя домой прѣдемъ и позднѣе.
Ты коренной-то не давай скакать.
Я нашей тройки не видалъ дружнѣе
(И вамъ, я чай, случалось ъздить льдомъ);
Да вотъ и церковь, вотъ господскій домъ!»

X.

«Не стану я описывать фасадъ
Стариннаго ихъ дома. Изъ гостиной
Въ стекло балкона виднѣ голый садъ
Съ бесѣдкою и сонною куртеною.
Признаться вамъ, ребяческій мой взглядъ
Тогда иною занять былъ картиною.
И маменькѣ, хозяйкѣ дома, чуть
Я не забылъ промолвить что нибудь.»

XI.

«За то она разсыпала слова...
(За хлѣбъ и соль ее хвалили міромъ).
Радужная соседка и вдова,
Какъ водится, была за бригадиромъ;
Ея сынокъ любимый — голова,
Жилъ въ отпуску усатымъ кирасиромъ.
Гдѣ онъ теперъ, не знаю, право, я;
Но что за дочки! — Чудная семья!»

ХII.

«Ихъ было двѣ — намъ должно ихъ назвать.
Пожалуй, мы хоть старшую Варварой,
Меньшую Александрой станемъ звать.
Онѣ прекрасны были. Чудной парой,
Для всѣхъ заметно, любовалась мать;
Хоть иногда своей красою старой
Блестать хотѣла, что грѣха таить!
Но женщины какъ это не простить?»

ХIII.

Мы младшую оставимъ, что намъ въ ней?
Она блондинка стройная, положимъ;
Но этотъ взглядъ и смыслъ ея рѣчей
Все говорить, что и лицомъ пригожимъ,
И таліей горда она своей;
Что весело ей правиться прихожимъ.
За то Варвара — томная луна,
Какъ ты была прекрасна и скромна!

ХIV.

«Ее не разъ и прежде я видалъ,
Когда случался близко у сосѣдства
Когда нибудь необычайный балъ,
По случаю крестинъ или наследства;
Но въ этотъ мигъ въ душу припоминалъ
Я образъ, мнѣ знакомый съ малолѣтства.
И не ошибся: въ городѣ одномъ
Мы съ ними жили, рядомъ былъ ихъ домъ.»

XV.

«Чтожь можно лучше выдумать? — и мать
Припомнила ту счастливую пору,
И прочее. Я долженъ былъ внимать
Хозяйки доброй искреннему вздору.
Сыночекъ меня придумалъ занимать:
Велѣлъ привести любимую мнѣ свору,
И я хвалилъ за стать его борзыхъ,
А мнѣ, признаться, было не до нихъ.»

XVI.

«Я и забылъ: день святочный былъ то.
Зажгли огни; мы съ Варинькой сидѣли;
Большое блюдо было налито;
Дворовыя надъ блюдомъ пѣсни пѣли,
И сердце ими было занято,
Съ гаданьями предчувствія кипѣли.
Я посмотрѣлъ на милое лицо....
И за меня она дала кольцо.»

XVII.

«Съ какимъ отраднымъ страхомъ я внималъ
Тѣхъ вѣщихъ пѣсень роковому звуку!
Но вотъ мое кольцо — я услыхалъ
Въ моемъ припѣвѣ близкую разлуку:
Какъ будто я давно о томъ не зналъ!
Но Варинька мнѣ тихо сжала руку,
И капли слезъ едва сдержать я могъ;
Но улетѣлъ неосторожный вздохъ.»

XVIII.

«Другой сосѣдъ прїѣхалъ — онъ женихъ.
Но столъ готовъ въ диванной съ самоваромъ,
И Варинька исчезла.... Въ этотъ мигъ
Сосѣдъ женихъ мнѣ былъ небеснымъ даромъ:
Имъ занялись.... Я ускользнулъ отъ нихъ.
«Вы не въ столовой?» — Обдало какъ варомъ
Меня отъ этихъ словъ.... но этотъ взоръ!
О! я вполне ей вѣрилъ съ этихъ поръ!

XIX.

«Мы говорили Богъ знаетъ о чемъ:
Скучаютъ ли онѣ въ своемъ имѣньи?
О сельскомъ лѣтѣ, о веснѣ; потомъ
О Шиллерѣ, о музыкѣ и пѣньи.
«Я вамъ спою.... Скажите, вамъ знакомъ
Романсъ такой-то?» — Въ сладкомъ упоеньи
Едва, едва касался я земли....
Но чай простылъ, и самоваръ снесли.

XX.

«Въ столовую я вышелъ.... Боже мой,
Какое счастье! — Заняты гаданьемъ,
И я прошелъ нарочно предъ толпой,
И тихо скрылся. Чуднымъ обаяньемъ
Меня влекло за двери. — За стѣной
Дрожали струны сладостнымъ бряцаньемъ....

Нѣтъ, я не въ силахъ.... больше не могу —
На тайный зовъ я къ милой побѣгу.

XXI.

«Серебряная ночь глядѣлась въ домъ....
Она безъ свѣчь сидѣла за роялю.
Луна была такъ хороша лицомъ,
И осыпала полъ граненой сталью;
А звуки пѣсни разлились кругомъ
Какою-то мучительной печалью:
Все вмѣстѣ было чувства торжество,
Но то была не жизнь, а волшебство.»

XXII.

«И самъ не свой, я, наклоняясь, чуть
Не покрывалъ кудрей ея лобзаньемъ,
И жаждою моя горѣла грудь;
Хотѣлось мнѣ порывистымъ дыханьемъ
Всю душу звуковъ сладостныхъ вдохнуть,
И выдохнуть съ послѣднимъ издыханьемъ!
Дрожали звуки на ея устахъ,
Дрожали слезы на ея глазахъ.»

XXIII.

«Вы знаете», сказала мнѣ она,
«Что я владѣю чуднымъ талисманомъ?»
Хотите ли, я буду вамъ видна
Всегда, вездѣ, съ луною, за туманомъ?»

Несбыточнымъ была душа полна,
Я счастливъ былъ ребяческимъ обманомъ.
Чтобъ ни было — я вѣрилъ всей душой —
И для меня слилась она съ луной.

XXIV.

«Я былъ въ дали, ее я позабылъ;
Иныя страсти овладѣли мною;
Я даже снова искренно любилъ,
Но каждый разъ, когда ночной порою,
Засвѣтится воздушный хоръ свѣтилъ —
Я увлеченъ волшебницей луною.

.....
.....

БАЛЛАДЫ.

ЗМѢЙ

Чуть вечернею росю
Осыпается трава,
Чешетъ косу, моетъ шею
Чернобровая вдова,
И не сводить у окошка
Съ неба темнаго очей,
И летить, свиваясь въ кольца,
Въ яркихъ искрахъ длинный змѣй.
И шумить все ближе, ближе,
И надъ вдовьинимъ дворомъ,
Надъ соломенною крышей
Разсыпается огнемъ.
И окно тотчасъ затворить
Чернобровая вдова;
Только слышатся въ свѣтище
Поцалуи да слова.

СИЛЬФЫ.

Ночную фіалку лобзаетъ Зефиръ,
И сладостно цвѣтъ задышалъ,
Я слышу бряцаніе маленькихъ лиръ;
Луну я въ росинкѣ узналъ.

И светлая капля дрожить теплотой
И мечеть сіянье вокругъ,
И Сильфы собрались веселой толпой
Съ улыбкой взглянуть на подругъ.

И крошка Сильфида взяла свѣтляка
На пальчикъ. Онъ вѣтса какъ змѣй.
Какъ ярко лицо и малютка рука
Сіяньемъ покрылись у ней.

Но, чу! кто-то робко ударилъ въ тимпанъ!
Лучей вамъ нельзя перевозмочь!
И весь упоенный раскрылся тюльпанъ
Въ последнюю сладкую ночь.

Но вотъ ужъ на встрѣчу грядущему дню
Готовы цвѣтовъ олтари,
И Сильфы съ улыбкой встрѣчаютъ родню
И свѣтлаго друга зари.

ВАМПИРЪ.

Почти ребенкомъ я была,
Всѣ любовались мной;
Мнѣ шли и кудри по плечамъ
И фартучекъ цвѣтной;
Любила мать смотреть, какъ я
Молилась по утру,

Любила слушать, если я
Пѣвала ввечеру.
Чужой однажды посѣтилъ
Нашъ тихій уголокъ:
Онъ былъ такъ нѣженъ и умёнъ,
Такъ строенъ и высокъ.
Онъ часто въ очи мнѣ глядѣлъ
И тихо руку жаль,
И тайно глазъ мой голубой
И кудри цаловаль.
И помню, стало мнѣ вокругъ
При немъ всё такъ светло,
И стало мутно въ головѣ,
И на сердцѣ тепло.
Летѣли дни... промчался годъ...
Насталъ послѣдній часъ —
Ему шепнула что-то мать,
И онъ оставилъ насъ.
И долго, долго, мнѣ пришлось
И плакать и грустить;
Но я боялася о немъ
Кого-нибудь спросить.
Однажды, вижу: милый гость,
Припавъ къ устамъ моимъ,
Мнѣ говорить: «Не бойся, другъ,
Я для другихъ незримъ.»
И съ этихъ поръ — онъ снова мой,
Въ объятіяхъ моихъ,
И страстно, крѣпко онъ меня
Цалуетъ при другихъ.

Всё говорятъ, что яркій цвѣтъ
Ланить моихъ больной....
Имъ не узнать, какъ жарко ихъ
Цалуетъ милый мой.

ИЯГЕЛЬ.

Ночью буря разозлилась,
Крыша снѣгомъ опушилась
И собаки по щелямъ.
Липнетъ глазъ отъ рѣзкой пыли,
И огни ужъ потушили
Вдоль села по всемъ дворамъ.
Лишь въ избушкѣ, за дорогой,
Одинокой и убогой
Огонекъ въ окнѣ горить.
Въ той избушкѣ только двое.
Кто ихъ знаетъ, что такое
Брать съ сестрою говорить:
«Помнишь то, что, умирая,
Говорила намъ родная
И родимый — отвѣчай?
Вотъ теперь, что день, то гонка,
И крикливаго ребенка,
Пѣвекъ дѣвкою, качай.
И когда же вражья сила
Васъ свела? Вѣдь нужно жъ было

Завертѣться мнѣ въ извозъ!...
Иль отвѣтить не умѣешь?
Что молчишь и что блѣднѣешь?
Право, дѣвка, не до слезъ.»
«Братецъ милый, ради Бога,
Не гляди въ глаза мнѣ строго:
Я въ ночи тебя боюсь.»
«Хоть ты бойся, хоть не бойся,
А сойдусь — не безпокойся,
Съ нимъ посвойски разочтусь.»
Вѣтеръ пуще разыгрался;
Кто-то въ избу постучался.
«Кто тамъ?» братъ въ окно спросилъ.
«Я прохожій — и отъ снѣга
До утра ищу ночлега.»
Чей-то голосъ говорилъ.
«Что жъ ты руки-то поджала?
Люльку вдоволь, чай, качала.
Хоть грусти, хоть не грусти;
Нѣтъ меня — такъ нѣтъ и льни.
Побѣги проворнѣй въ сѣни,
Да прохожаго вступи.»
Чрезъ порогъ ступилъ прохожій.
Помолясь на образъ Божій,
Поклонился брату онъ;
А сестрѣ какъ поклонился,
Да взглянулъ, остановился,
Точно громомъ пораженъ.
Всѣ молчатъ; сестра блѣднѣетъ,
Никуда взглянуть не смѣетъ;

Изъ подлбья братъ глядитъ;
Все молчить; лучина съ трескомъ
Лишь горитъ багровымъ блескомъ,
Да по кровль вѣтръ шумить.

ДОЗОРЪ.

Изъ бесѣдки садовой воевода багровой
Въ замокъ вбѣгъ — еле духъ переводить;
Дернулъ занавѣсъ — что же? Глядь на женнино ложе —
Задрожаль — никого не находить.

Онъ поникъ головою и дрожащей рукою —
Сивый усъ покрутилъ онъ угрюмо;
Взоромъ ложе окинулъ, рукава въ тыль закинулъ,
И позвалъ казака онъ Наума.

«Гей, ты хамово племя! отъ чего въ это время
У воротъ нѣтъ ни пса, нѣтъ ни дворни?
Видишь сумку барсучью, да винтовку гайдучью,
Да подай карабинъ мой проворный.»

Взяли ружья, помчались, до ограды подкрались,
Гдѣ бесѣдка стоитъ садовая.
На скамейкѣ изъ дерна что-то бѣло и черно:
То сидѣла жена молодая.

Былъ ручки перстами, скрывши очи кудрями,
Грудь сорочкой она прикрывала,
А другою рукою отъ колынь предъ собою
Плечи юноши прочь отклоняла.

Тотъ, къ ногамъ преклоненный, говорить ей смущенный:
«Такъ конецъ и любви и надеждъ!
Такъ за эти объятя, за твои рукожатя
Заплатилъ воевода ужъ прежде!»

Сколько лѣтъ я вздыхаю, той же страстью сгораю
И удѣлъ мой страдать безконечно
Не любилъ, не страдалъ онъ, лишь казной побряцалъ онъ
И ты все ему предала вѣчно.

Онъ, что ночь — властелиномъ, на пуху лебединомъ
Старый лобъ къ этимъ персямъ склоняетъ,
И съ ланитъ воспаленныхъ и съ кудрей благовонныхъ
Мнѣ запретную сладость впиваетъ.

Я жъ, коня осѣдавши, да луну обождавши,
Гороплюся по хладу ненастья,
Чтобъ встрѣчаться стенаньемъ и прощаться желаньемъ
Доброй ночи и долгаго счастья.»

Не плѣнивши ей слуха, онъ ужъ шепчетъ на ухо
Знать инья мольбы и заклатья,
Что она, безъ движеня и полна упоеня,
Пала къ милому тихо въ объятя.

Съ казакомъ воевода взводятъ разомъ два взвода
И патроны изъ сумки достали,
И скусили зубами и въ стволы шомполами
Порохъ съ пулями плотно дослали.

«Пань,» казакъ замѣчаетъ: «бѣсъ какой-то мѣшаетъ:
Не бывать въ этомъ выстрѣлѣ толку.
Я, курокъ нажимавши, сыпаль мимо дрожавши
И слеза покатила на полку.»

«Тише! выдумалъ вѣкать. Научу тебя плакать,
Только слово промолвить осмѣлся.
Всыпь на полку, да живо сдерни ногтемъ огниво
И той женщины въ лобъ ты прицѣлься.»

Выше, въ право, до разу, моего жди приказу,
Молодца-то сперва на свободу.»
Но казакъ не дождался, громко выстрѣлъ раздался
И прямехонько въ лобъ — воеводу.

ГЕРА и ЛЕАНДРЪ.

Блѣдень ликъ твой, блѣдень, дѣва!
Средь упругихъ волнъ напѣва
Я люблю твой блѣдный ликъ.
Подъ окномъ на всемъ просторѣ
Только море — только въ морѣ
Волнъ кочующихъ родникъ.

Тихо. — Море голубое
Взору жадному въ покой
Каждый лучь передаеть.
Чтожь тамъ въ морь — чья победа?
Иль въ зыбляхъ, вторая Леда,
Лебедь-богъ къ тебѣ плыветь?
Не безсмертный, не бессонный,
Нѣтъ, то юноша влюблённый
Проложилъ отважный путь,
И полна огнемъ желаній
Волны взмахомъ крѣпкой длани
Молодая рѣжетъ грудь.
Меркнетъ день; изъ крайней тучи
Вдоль пучины вѣтръ летучій
Направляетъ шаткѣй бѣгъ,
И подь молніей багровой
Страшный валь бѣло-головый
Съ рѣвомъ прыгаетъ на брегъ.
Гдѣ жь онъ, Гера? съ бездной споря,
Удушшающаго моря
Онъ свиданьемъ дорожитъ!
Хоть безстрастенъ, хоть безгласенъ,
Но по прежнему прекрасенъ,
Онъ у ногъ твоихъ лежитъ.
Блѣдень ликъ твой, блѣдень, дѣва!
Средь упругихъ волнъ напѣва
Я люблю твой блѣдный ликъ.
Подь окномъ на всемъ просторѣ
Только море — только въ морѣ
Волнъ кочующій родникъ.

ВОРОТЬ.

Спать пора, свѣча сгорѣла;
Да и ты, моя краса,
Голова отяжелѣла:
Кудри лезутъ на глаза.
Стань вотъ тутъ передъ иконы,
Я постельку стану стлать.
Не спиши же класть поклоны,
Богородицу читать.
Видишь, глазки-то бѣдняжки
Такъ и просятъ уснуть.
Только воротъ у рубашки
Надо прежде разстегнуть.
«Отъ чего же, няня, надо?»
Надо, другъ мой, чтобъ тобой,
Не сводя святаго взгляда,
Любовался Ангель твой.
Твой хранитель, Ангель Божій,
Прилетаетъ по ночамъ,
Какъ и ты, дитя пригожій,
Только крылья по плечамъ.
Коль твою онъ видитъ душку,
Воротъ вскрыть и тихъ твой сонъ:
Тихо съ права на подушку
Улыбаясь сядетъ онъ;
А закрыта душка, спрячетъ
Душку воротъ, мутны сны:
Ангель взглянетъ и заплачетъ,
Сядетъ съ лѣвой стороны.

Надъ тобой Господня сила!
Дай, я воротъ распущу.
Ужъ подушку я крестила
И тебя перекрещу.

На дворъ не слышно вьюги,
Надъ землей туманный парь;
Ужъ давно вода остыла,
Смокъ шумливый самоваръ.
Няня старая не видитъ
И не слышитъ — всё прядетъ;
Мычку левою пощиплетъ,
Правой нитку отведетъ;
А ребенокъ все играетъ.
Какъ хороше онъ при огнѣ!
И кудрявая головка
Отразилась на стѣнѣ.
Вотъ задумалась няня,
Со свѣчи нагаръ сняла,
И прекраснаго малютку
Ближе къ свѣчкѣ подвела.
«Дай-ка ручки!» Няня хочетъ
Посмотрѣть на ихъ черты.
«Что? на пальчикахъ дорожки
«Не кружками ль завиты?»
Няня смотритъ.... Вотъ вздохнула....
«Ничего, дитя мое!»
Вотъ заплакала — и плачетъ
Мальчикъ, глядя на неё.

ЛЕГЕНДА.

Вдоль по берегу полями
Тдетъ сынъ княжой;
Сорокъ отроковъ верхами
Слѣдуютъ толпой.
Странень ликъ его суровой,
Все кругомъ молчить,
И подкова лишь съ подковой
Часто говорить.
«Разгуляйся въ поле,» — сыну
Говорилъ старикъ.
Знать сыновнюю кручину
Старый взоръ проникъ,
Съ золотыми стремянами
Княжій аргамакъ;
Шемаханскими шелками
Вьшить весь чепракъ;
Но печалень въ полѣ чистомъ,
Князь себѣ не радъ,
И не кличетъ громкимъ свистомъ
Кречетовъ назадъ.
Онъ давно душою жаркой,
Въ перегарѣ силъ,
Всю неволю жизни яркой
Втайнѣ отлюбилъ.
Полюбить успѣвъ вериги
Молодой тоски,
Переписываетъ книги,
Пишетъ кондаки.

И не разъ въ минуты битвы

Съ жизнью молодой,

Въ увлеченіи молитвы

Находили покой.

Бдетъ онъ въ раздумьи шагомъ

На лихомъ конѣ;

Вдругъ пещеру за оврагомъ

Видитъ въ сторонѣ:

Тамъ душевной жаждѣ пищу

Старецъ находилъ,

И къ пустынному жилищу

Князь поворотилъ.

Годы страсти, годы спора

Пронеслися вдругъ,

И пустыннаго простора

Онъ почувалъ духъ.

Слезъ съ коня, оборотился

Къ отрокамъ спиной,

Снялъ кафтанъ, перекрестился

И махнулъ рукой.

СОНЕТЫ.

I.

О, для тебя я сдѣлаюсь поэтомъ!
Готовъ писать и прозой и стихами,
Распоряжаться мыслью и словами,
И риѣмы въ рядъ нанизывать сонетомъ.

Да что же мнѣ? — какая польза въ этомъ?
Я не рѣшусь быть низкимъ передъ вами;
Я не рѣшуся черными словами
Васъ выставить, запачкать передъ свѣтомъ.

Но если вы, понявъ мои намѣки,
Со страху разъ помолитесь неволью,
И на́долго запомните уроки,
Въ которыхъ то-то и смѣшно, что больно:
Повѣрьте мнѣ, и этого довольно,
И одою смѣню я эти строки.

II.

Смотрѣть на васъ и странно мнѣ и больно:
Жаль вашихъ взоровъ, ножекъ, ручекъ, плечекъ:
Скажите: кто вотъ этотъ человѣчекъ,
Что подлѣ васъ стоитъ самодовольно?

Во мнѣ вся кровь застынетъ вдругъ невольно,
Когда, при блескѣ двухъ вѣнчальныхъ свѣчекъ,
Онъ вамъ подастъ одно изъ двухъ колечекъ;
Тогда въ слезахъ молитесь богомольно.

Но я на васъ глядѣть тогда не стану,
А то, быть можетъ, сердце содрогнется.
Къ чему тревожить старую въ немъ рану?
А то изъ ней, быть можетъ, ядъ полетѣтъ.
Мнѣ только легкой поступи и стану,
Да скрытности дивиться остается.

III.

Разсказывалъ я много глупыхъ сновъ,
На мой разсказъ такъ грустно улыбались;
Многозначительно при звукѣ странныхъ словъ
Ея глаза въ глаза мои вперялись.

И время шло — я сердцемъ былъ готовъ
Повѣрить счастью. Скоро мы разстались
И я постигъ у дальнихъ береговъ,
Въ чемъ наши чувства нѣкогда встрѣчались.

Такъ слышитъ узникъ, блѣдный, присмирѣвъ,
Родной рѣки излучистый припѣвъ,
Пропѣтый вовсе чуждыми устами.
Онъ звука не проронитъ, хоть не ждетъ
Спасенія; но глубоко вздохнетъ,
Блеснувъ во мглѣ ожившими очами.

IV.

Владычица Сіона, предъ тобою
Во мглѣ моя лампада зажжена.
Все спитъ кругомъ — душа моя полна
Молитвою и сладкой тишиною.

Ты мнѣ близка.... Покорною душою
Молюсь за ту, кѣмъ жизнь моя ясна.
Дай ей цвѣсти, будь счастлива она —
Съ другимъ ли избраннымъ, одна, или со мною.

О нѣтъ! прости наитіе недуга!
Ты знаешь насъ: намъ суждено другъ друга
Взаимными молитвами спасать.
Такъ дай же силъ, простри святыя руки,
Чтобъ ярче могъ, въ полночный часъ разлуки,
Я предъ тобою лампаду возжигать.

V.

МАДОННА.

Я не ропщу на трудный путь земной,
Я буйнаго не слушаю невѣжды;
Моимъ ушамъ понятенъ звукъ иной,
Моей душѣ пріятенъ гласъ надежды.

Съ тѣхъ поръ, какъ Санціо передо мной
Изобразилъ склоняющую вѣжды,
И этотъ ликъ, и этотъ взоръ святой,
Смиренныя и легкія одежды,

И это лоно матери, и въ немъ
Младенца съ яснымъ, радостнымъ челомъ,
Съ улыбкою къ Маріи наклонённой —
О! какъ душа стихаетъ вся до дна!
Какъ много ты съ святаго полотна
Мнѣ плешь, мой Богъ, съ пречистою Мадонной!

VI.

МОСКВА

(изъ Кёрнера).

Какъ высоки церквию златыя главы,
Какъ царственно дворцы твои сіяютъ!
Со всѣхъ сторонъ глаза мои встрѣчаютъ
И гордый блескъ, и памятники славы.

Но часъ твой биль, о городъ величавый!
Твои граждане руку поднимаютъ,
Трещитъ огонь и факелы пылаютъ,
И ты стоишь въ горячей ризѣ лавы!

О, пусть тебя поноситъ изступленье!
Ломитесь башни, рухайтеся палаты!
То русскій фениксъ, пламенемъ объятый,
Горитъ въ камъ.... Но близко искупленье;
Уже подъ кликъ и общіе восторги
Копье побѣдъ подымятъ святыи Георгій!

СОЛОВЕЙ И РОЗА.

Небесъ и землѣ повелитель,
Творецъ плодотворнаго міра
Даль счастье, даль радость всей твари
Цветущихъ долинъ Кашемира.

И равны всѣ звенья предъ Вѣчнымъ
Въ цѣпи непрерывной творенья,
И жизненнымъ трепетомъ общимъ
Исполнены чудныя звенья.

Такая дрожащая бездна
Въ дыханьи полудня и ночи,
Что Ангелы въ страхъ закрыли
Крылами звездистыя очи.

Но тамъ же въ саду мірозданья,
Гдѣ радость и счастье-привычка,
Забиты, отвергнуты счастьемъ
Кустарникъ и сѣрая птичка.

Листовъ окаймленныхъ пилами,
Побѣговъ вращающихъ спицы
Минуютъ летучіе гости,
Чуждаются пѣвчія птицы.

Безгласная сѣрая птичка
Одна не пугается терній,
И любятъ другъ друга — но счастья
Ни въ утренній часъ, ни въ вечерній.

И по небу вѣки проходятъ,
Какъ волны безбрежнаго моря;
Никто не узнаеть ихъ страсти,
Никто не увидить ихъ горя.

Однажды сіяющій Ангель,
Купаясь въ безднахъ эфира,
Узрѣль и кустарникъ и птичку
Въ долинѣ ночной Кашемира.

И нежному Ангелу стало
Ихъ видѣть такъ грустно и больно,
Что съ неба слезу огневую
На нихъ уронилъ онъ невольно.

И къ утру свершилося чудо:
Краснѣя и мѣня сквозь слѣзы,
Склонилася къ веткѣ упругой
Головка душистыя розы.

И къ ночи съ безгласною птичкой
Еще перемена чудеснѣй:
И листья и звезды трепещуть
Ея упоительной пѣсней.

Онъ.

Рая вѣчнаго изгнанникъ,
Вешній гость я, пѣвчій странникъ;
Чужды ваши мнѣ цветы;
Страшны искры мнѣ мороза.
Другъ мой роза, дѣва роза,
Я бѣ не пѣль, когда бѣ не ты.

Она.

Полночь мать моя родная,
Незамѣтно разцвѣла я
На зарѣ весны;
Для тебя жъ у бѣдной розы
Аромать, краса и слѣзы,
Заревые сны.

Онъ.

Ты такъ нежна, какъ утреннія розы
Едва раскрывъ малиновый шипокъ;
Ты такъ свѣтла, что по неволѣ слезы
Туманятъ мнѣ внимательный зрачекъ;
Ты такъ чиста, что помыслы земные
Невольно мрутъ въ груди передъ тобой;
Ты такъ свята, что Ангелы святые
Зовутъ тебя ихъ смертною сестрой.

Она.

Мой другъ, мой братъ, мой милый, мой любовникъ!
На милую внимательный взгляни:
За розу ты не принялъ ли шиповникъ,
Смирненное подобіе родни?
И если есть во мнѣ благоуханье,
Оно лишь тѣмъ коснется до тебя,
Что скромное, безвѣстное созданье,
Стремясь къ тебѣ, такъ предало себя.

Онъ.

Ты роза долины, я ночи пѣвецъ,
И чувство въ насъ братское тоже;
Намъ мѣсяцъ кристальный готовить вѣнецъ,
А солнце пурпурное ложе.
Росою на пѣсни, на пѣсни росой
Дала отвѣчать намъ природа,
И наши всѣ звуки, всѣ блески, какъ рой
Горятъ у небеснаго свода.
Тамъ Ангелъ лазурный, востока жилецъ,
Ихъ огненной мѣтитъ рукою.
Ты роза долины, я ночи пѣвецъ:
Мы вѣчные братья съ тобою.

Она.

Ты поешь, когда дремлю я,
Я цвету — когда ты спишь;
Я горю безъ поцалуя,
Безъ отвѣта ты грустишь.

Но и радость и мученье
Мудро намъ судьба дала:
Ты не пѣль бы безъ стремленья,
Я бѣ безъ страсти не цвѣла.

Онъ.

На востокъ небо чисто,
Какъ сафиръ твоихъ очей;
Въ рощахъ пальмовыхъ тѣнисто,
Лунный лучъ дрожитъ теплѣй.
На востокъ есть у Бога
Заповѣдныя мѣста:
Сердцу снится та дорога —
Полетимъ съ тобой туда.
Ни фазановъ позлащенныхъ,
Ни павлиновъ не сомнемъ;
Ни плодовъ мы запрещенныхъ
Тихомолкомъ не сорвемъ.
Мы, какъ лотось, богомольно
Заглядимся въ ручеекъ....
Сердцу станетъ сладко, больно —
Полетимъ же на востокъ.

Она.

Мой милый, гдѣ сердце — тамъ грезы,
Гдѣ вѣра — тамъ царство весны;
Гдѣ очи — тамъ жаркія слезы,
Гдѣ думы — тамъ чудные сны....

Во снѣ мое спящее око
Небесный измѣрило кругъ,
Отъ запада вплоть до востока,
Узрѣло и сѣверъ и югъ...
Ни дна; только, въ безднѣ раждаясь,
Горять и сверкають ключи,
И, силою вѣчной вращаясь,
Дрожать золотые лучи;
И вся эта сила стремилась
Къ одной отдаленной звѣздѣ;
А я все молилась, молилась,
Чтобъ ты былъ мнѣ вѣренъ вездѣ.

Онъ.

Дѣва роза, доброй ночи!
Звѣзды въ небесахъ.
Двѣ звѣзды горять, какъ очи
Въ голубыхъ лучахъ;
Двѣ звѣзды горять привѣтно
Нынче, какъ вчера;
Сонъ подкрался незаметно....
Роза, спать пора!

Она.

Зацалую тебя, закачаю,
Но боюсь надъ тобой задремать:
На зарѣ лишь уснешь ты, я знаю,
Что всю ночь будешь пѣть ты опять.

Закрывается милое око,
Голова у меня на груди.
Вѣтеръ, вѣтеръ, мой вѣтеръ востока,
Не тревожь его сна, не буди.
Я сама не дышу, не ласкаю,
Только вѣжды закрыль ему сонъ,
И кудрями его не играю:
Все боюсь, не проснулся бы онъ.
Вѣтеръ, вѣтеръ лукавый, поди ты,
Я умью сама цаловать;
Я устами коснуся ланиты
И мой милый проснется опять.
Просыпайся жъ; заря потухаетъ:
Для пѣвца золотая пора.
Дѣва роза тихонько вздыхаетъ,
Отпуская тебя до утра.

Онъ.

Ахъ, опять къ ночному бдѣнью
Вышелъ звездный хоръ....
Эхо ждетъ завторить пѣнью....
Спалъ до этихъ поръ!
Ввѣтъ вѣтеръ надъ дубровой,
Листикъ шелеститъ.
У меня въ тѣни лавровой
Дѣва роза спитъ.
Хорошо ль ей, сладко ль спится,
Я предъзнаю,

И звездамъ, что ей приснится,
Громко пропою.

Она.

Я дремлю, но слышать
Роза соловья;
Вѣтерокъ кольшетъ
Сонную меня.
Звуки остаются
Всѣ въ моихъ листкахъ;
Слышу — а проснётся
Не могу никакъ.
Заревья слезы,
Наклоняясь, лью.
Пой у сонной розы
Про любовь мою.

И во снѣ только любить и любить,
И отъ счастья плачетъ и спитъ!
Эти пѣсни она приголубитъ,
Если эхо о нихъ промолчитъ.
Эти пѣсни землѣ рассказали
Всѣ, что розѣ приснилось во снѣ,
И глубоко, глубоко запамя
Ей въ румяное сердце онѣ.
И въ ночи подъ землею коренья
Влагу ночи сосутъ да сосутъ,

А у розы росой умиленья
Бриллиантами слезы текутъ.
Отъ чегожъ подь навѣсомъ прохлады
Раздается такъ голосъ пѣвца?
Роза! пѣсни не знаютъ преграды:
Безъ конца твои сны, безъ конца.

СЛОВА

ЭЛЕГИИ.

1.

О, долго буду я, въ молчаньи ночи тайной,
Коварный лепеть твой, улыбку, взоръ случайной,
Перстамъ послушную волосъ густую прядь
Изъ мыслей изгонять, и снова призывать;
Дыша порывисто, одинъ, ни къмъ не зримый,
Досады и стыда румянами палимый,
Искать хотя одной загадочной черты
Въ словахъ, которыя произносила ты;
Шептать и поправлять былыя выраженья
Речей моихъ съ тобой, исполненныхъ смущенья,
И въ опьяненіи, наперекоръ уму,
Завѣтнымъ именемъ будить ночную тьму.

2.

Когда мои мечты за гранью прошлыхъ дней
Найдутъ тебя опять за дымкою туманной,
Я плачу сладостно, какъ первый Іудей
На рубежъ земли обѣтованной.
Не жаль мнѣ дѣтскихъ игръ, не жаль мнѣ тихихъ сновъ,
Тобой такъ сладостно и больно возмущенныхъ
Въ тѣ дни, какъ постигалъ я первую любовь
По бунту чувствъ неугомонныхъ,
По сжатію руки, по отблеску очей,
Сопровождаемыхъ то вздохами, то смѣхомъ,

По восторгающей гармоніи рѣчей
Съ серебрянымъ и вѣчнымъ эхомъ....

5.

Когда мечтательно я преданъ тишинѣ
И вижу на небѣ корону ясной ночи,
Когда у заблещуть въ вышинѣ
И сномъ у Аргуса начнутъ смыкаться очи,
И близокъ часъ уже условленный тобой,
И ожиданіе съ минутой возрастаетъ,
И я стою уже безумный и нѣмой,
И каждый звукъ ночной смущеннаго пугаетъ;
И нетерпѣніе сосѣтъ больную грудь,
И ты идешь одна украдкой, озираясь,
И я спѣшу въ лицо прекрасной заглянуть,
И вижу ясное — и тихо, улыбаясь,
Ты на слова любви мнѣ говоришь — люблю!
А я безсвязныя связать стараюсь рѣчи,
Дыханьемъ пламеннымъ дыханіе ловлю,
Цалую волоса душистыя и плечи,
И долго слушаю, какъ ты молчишь, и мнѣ
Ты руку подаешь сказавши: до свиданья!
О, другъ! какъ счастливъ я, какъ счастливъ я вполне!
Какъ жить мнѣ хочется до новаго свиданья!

4.

Помедли.... люди спятъ; медлительной царицей
Луна двурогая обходить небеса;

Все медлитъ разойтись съ серебряной зарницей
И вѣтръ, и облака, и горы, и лѣса.
Я не пойду туда, гдѣ камень вѣроломный,
Скользя изъ-подъ пяты съ отвѣсныхъ береговъ,
Летитъ на хрящъ морской; гдѣ въ морѣ валъ огромный
Придетъ и убежитъ въ объятія валовъ.
Тамъ вѣчный шумъ, тамъ нѣтъ неяснаго сознанья
Какой-то святости звездолубивыхъ думъ
И тихой радости, нѣмага созерцанья.
Я не пойду туда: тамъ моря вѣчный шумъ.

в.

Странное чувство какое-то въ нѣсколько дней овладѣло
Тѣломъ моимъ и душой, цѣлымъ моимъ существомъ.
Радость и свѣтлая грусть благотворный покой и желанья
Дѣтскія, рѣзвыя, самъ даже понять не могу.
Вотъ хоть теперь посмотрю за окно на веселую зелень
Вешнихъ деревьевъ, да вдругъ вѣтеръ ко мнѣ донесѣтъ
Утренній запахъ цвѣтовъ, птичекъ звонкія пѣсни;
Такъ бы и бросился въ садъ, съ кликомъ: пойдѣмъ же, пойдѣмъ!
Да какъ взгляну на тебя, какъ усмась ты тамъ безмятежно
Подъ окошка, склоня иглы рѣсницъ на канву,
То ужъ не въ силахъ ни чѣмъ я шевельнуться, а только
Всю озираю тебя, всю — отъ пробора волосъ,
До перекладки пялецъ, гдѣ вольно, легко и уютно,
Складки раздвинувъ, прильнулъ маленькой ножки носокъ.
Жалко.... да нѣтъ—хорошо, что никто не видалъ, какъ взглянула
Ты на сестрицу, когда та приходила сюда

Куклу свою показать. Право, мнѣ кажется, всѣхъ бы
Васъ мнѣ хотѣлось обнять. Даже и братъ твой, шалунъ,
Что изучаетъ грамматику въ комнату ближней, мнѣ дорогъ.
Можно ль такъ ложно его вещи учить понимать!
Какъ отворилися двери, разслушать я могъ, что учитель
Каждый отдельный глаголь пряталъ въ отдельный залогъ:
Онъ говорилъ, что любить есть дѣйствіе — не состоянье.
Нѣтъ, достохвальнѣйшій мудрецъ, здѣсь ты не видишь ни зги,
Я говорю, что любить — состоянье, еще и какое!
Чудное, полное нѣгъ!... Дай Богъ намъ вѣчно любить!

6.

Виновать ли я, что долго мѣсяць
Простоялъ вчера надъ рощей темной,
Что подъ нимъ рѣка дрожала долго
Тамъ, гдѣ крылья пучилъ бѣлый лебедь.
Вѣдь не я зажегъ огни рыбачьи
Надъ водой, у самыхъ лодокъ черныхъ.
Виновать ли я, что до разсвѣта
Перепелокъ голосъ раздавался?
Но ты спишь... О, подними рѣсницы!
Знаешь ли, я помню, помню живо —
Ты сама вѣдь любишь ночи: ночью
Это было — я спѣшилъ въ Ріальто.
Быстро весла ударили въ воду,
Гондольеръ мой пѣлъ; но эта пѣсня
Пронеслась, какъ многое проходитъ
Невозвратно; помню только это:

«Обожали пламенные Греки
Красоты богиню Афродиту
Въ пѣнѣ волнъ на раковинѣ ясной.
Какъ же глупы, просты эти Греки:
Передъ ними ты была въ гондолѣ.»
Знаешь ли, я самъ, когда ты дремлешь,
Опусти недвижныя рѣсницы
И твоихъ волосъ густыя кудри
Недвижимы, руки выше локтя,
Обнажась, на складкахъ полотняныхъ
Такъ лежать, какъ будто съ мыслью тайной
Раскидалъ ихъ Фидій.
И гляжу я долго и не знаю,
На твоёмъ блестящемъ свѣтомъ ликѣ
Рождена ль улыбка красотою;
Иль краса улыбку породила,
Знаешь ли?... Но, опусти рѣсницы,
Ты уснула.... Спи, моя богиня!

7.

Я знаю, гордая, ты любишь самовластье;
Тебя, въ ревнивомъ снѣ, томить чужое счастье;
Свободы смѣлый ликъ и томный взоръ любви
Манять наперерывъ желанія твои.
Чрезъ всю толпу рабовъ у пышной колесницы
Я взглядъ лукавый твой подъ бархатомъ рѣсницы
Давно прочель, давно, и знаю съ той поры,
Гдѣ жертву новую ты ищешь для игры.

Несчастный юноша, давноль, веселья полный,
Скользиль его челнокъ расталкивая волны!
Смотри, какъ счастливъ онъ, какъ воленъ.... онъ ничей;
Лобзаеть вѣтръ одинъ руно его кудрей.
Рука, окрѣпнувши въ трудъ однообразномъ,
Минула ужъ бреговъ ухающимъ соблазномъ.
Но горе! ты поешь; на зыбкое стекло,
Изъ ослабѣвшихъ рукъ упущено весло;
Онъ скованъ — ты поешь, ты блещешь красотою
И пѣвишь темный понтъ зубчатой чешуею.

8.

Ея не знаетъ свѣтъ — она еще ребенокъ;
Но очеркъ головы у ней такъ чистъ и тонокъ,
И такъ подвиженъ склонъ ея округлыхъ плечъ,
Что дней недалекихъ грезъ у ней не устеречь.
Дохнетъ тепло любви, младенческое око
Лазурнымъ пламенемъ засвѣтитъ глубоко
И гребень, ласково разборчивъ, будто самъ
Пойдетъ медлительнѣй по пышнымъ волосамъ,
Персты румяные блѣднѣя подлиннѣютъ.
Блаженъ, кто замѣчалъ, какъ постепенно зрѣютъ
Златая гроздія, и зналъ, что виноградъ
Сбирая, онъ вопьетъ ихъ сладкій ароматъ.

9.

Эхъ, шутка — молодость! какъ новый, ранній снѣгъ,
Всегда и чистъ и свѣжъ. Царица тайныхъ нѣгъ,

Луна зеркальная, надъ древнею Москвою
Одну выводитъ ночь блестящій за другою.
Что, всѣ ли улеглись, уснули? Не пора ль?...
На сердце жаръ любви и трепеть и печаль!...
Бѣгу!... Далекія, какъ бы въ вознагражденье,
Шлютъ звезды въ инеѣ свое изображенье.
Въ сіяньи полночи безмолвень сонъ Кремля;
Подъ быстрою стопой промерзлая земля
Звучить и по крутой, хотя недавней стужѣ,
Доходитъ бой часовъ прерывистый и тужѣ.
Бѣгу!... Тамъ нежная и трепетная та
Несетъ на поцалуй дрожащія уста,
Чье имя, близъ меня помянуто безъ цѣли,
Не дастъ мнѣ до зари забыться на постели;
Чей шорохъ медленный ужъ издали меня
Кидаетъ въ полымя мгновенно изъ огня,
И чей глубокой взоръ, блистающій вниманьемъ,
Исполнилъ жизнь мою безумствомъ и страданьемъ.

10.

Лозы мои за окномъ разрослись живописно и даже
Свѣтъ отнимаютъ. Смотри, вотъ половина окна
Верхняя темною зеленью листьевъ покрыта; межъ ними,
Будто нарочно, въ окнѣ кисть начинаетъ желтѣть.
Милая! полно, не трогай!... Къ чему этотъ духъ разрушенья!
Ты доставать виноградъ высунешь руку на дворъ—
Бѣлую, полную ручку, легко распознаютъ сосѣди,
Скажутъ: она у него въ комнатѣ тайно была.

Тебѣ въ молчаніи я простираю руку,
И дѣтскихъ укоризнъ въ грядущемъ не страшусь.
Ты въ тайнѣ поняла души смѣшную мѹку,
Усталыхъ прихотей ты разгадала скуку. —
Мы вмѣстѣ — и судьбѣ я молча предаюсь.
Безъ клятвъ и клеветы ребячески-невинной
Сказала жизнь за насъ послѣдній приговоръ.
Мы оба молоды, но съ радостью старинной
Люблю на локонъ твой засматриваться длинной;
Люблю безмолвныхъ устъ и взоровъ разговоръ,
Какъ въ дни безумные, какъ въ пламенные годы
Мнѣ жизни міровой святыни дорогѣ;
Люблю безмолвіе полунощной природы;
Люблю ея лѣсовъ лепечущіе своды;
Люблю ея степей алмазные снѣга,
И слова мнѣ легко, когда, святому звуку
Внимая не одинъ, я заживо дѣлюсь;
Когда, за честный бой съ тѣнями, взявъ поруку,
Тебѣ въ молчаніи я простираю руку
И дѣтскихъ укоризнъ въ грядущемъ не страшусь.

САКОНТАЛА.

1.

Саконтала — изъ всѣхъ царицъ, украшавшихъ индѣйскій
Тронъ, народу любезная, милая сердцу супруга
Мудраго государя Викрамы, встрѣчала однажды
Праздничный день своего рожденья общимъ весельемъ.
Радость кругомъ разлилась по чертогамъ и хижинамъ царства;
Только живѣй и нежнѣе ея раздавались звуки
Въ сердцахъ каждаго. Ликъ царицы былъ тихъ и прекрасенъ;
Око ея сіяло любезно и кротко, какъ солнце
Въ часъ вечерній, когда, садясь за дальнія горы,
Росу шлѣтъ и прохладу оно, долины и выси
Влагою съ высоты окропляя отрадной. Таковъ былъ
Ликъ Саконталы. Затѣмъ-то, съ дѣтскимъ смиреніемъ въ сердцахъ,
Жители Индіи взоръ къ своей несравненной царицѣ,
Полный любви, обращали и ей приносили посильно
Разнаго рода дары, растенья лучшія царства:
Благоуханный елей, злато и камни цвѣтные;
Благословенія ей другіе молили у Браммы.
Вотъ въ средину ликующихъ, тѣсной толпою стоящихъ
Около царскихъ воротъ, Браминъ выходитъ; корзинку
Несъ онъ въ рукахъ, изъ лозъ плетенную; край у корзинки
Мохомъ простымъ былъ покрытъ. Придворные слуги, увидя
Старца, стоя въ переходахъ, другъ друга спрашивать стали:
«Знать Браминъ поприблизиться хочетъ сіяню престола
Съ лозниковой корзинкою, полною мохомъ кудрявымъ.»
Но Браминъ подошелъ свободно, поставилъ корзинку

Саконталь къ ногамъ и сказала: «Видишь ли, наша
Добрая мать и владычица нашего царства, вотъ эти
Лозы корзинки и этотъ мохъ и цветы полевые
Дѣти долины на самой далекой границѣ обширной
Нашей земли, гдѣ стопы твои блуждали въ то время,
Какъ еще первая жизни весна предъ тобой улыбалась?»
Такъ Браминь говорилъ и у ногъ Саконталы стояла
Съ мохомъ корзинка. Тогда царица взоръ обратила
На корзинку, на мохъ и цветы, что лежали въ корзинкѣ,
И съ престола она улыбнулась привѣтливо, нѣжно
Скромнымъ цветамъ долины давно миновавшаго дѣтства.
Тихо Браминь возвращался къ своей одинокой долины
И казался роскошь полей для него превосходнѣй.
Онъ не могъ позабыть улыбки лица Саконталы.

2.

Саконтала, прекрасная, милая сердцу царица
Индіи, день своего рожденія встрѣчала молитвой
Тихою къ Брамъ; война ужасная все государство
Опустошила, и царь индійскій, супругъ Саконталы,
Былъ въ дали отъ нея средь ужасовъ битвы кровавой;
Но еще болѣе то умножало горестъ царицы,
Что большая часть преданныхъ въ битвѣ погибли и много
Было такихъ, что забыли царскую милость, съ какою
Почестями онъ ихъ осыпалъ, и вдругъ показали
Неблагодарность и трусость сердецъ измѣной въ минуту
Бѣдствія. Вотъ почему Саконтала въ тиши проливала
Слезы и день рожденія былъ ей дню смерти подобенъ.

Въ это время вошла одна изъ женщинъ служащихъ
Тихо къ печальной царицѣ и ей сказала: «Опять здѣсь
Тотъ Брамишь, что къ тебѣ приходилъ съ цветами долины.»
Но Саконтала вздохнула, и ей отвѣчала: «Какъ могутъ
Быть отрадны цветы моему сокрушенному сердцу
Или служить украшеньемъ моей поблѣднѣвшей ланитѣ?
Все же, сказала потомъ царица добрая, старца
Ты введи, чтобы я изъ его приношенья сознала,
Какъ верна мнѣ въ печали любовь незлюбивыхъ сердцемъ.»
Старый Брамишь вошелъ и сказалъ, главу наклоняя:
«Видишь ли, добрая мать и владычица нашего царства:
Горе твое и печаль твоего сердца не лишю
Жителей той долины, гдѣ ты блуждала въ то время,
Какъ еще первая жизни весна предъ тобой улыбалась.
Шаткаго счастья измѣна, любви и вѣрности узы
Не разрѣшаетъ; напротивъ, она ихъ прочнѣе связуетъ.
Только цветовъ я тебѣ не принесъ: въ нашей долине
Стоптаны все; но они разцвѣтутъ еще лучше, коль Брама
Послѣ бурь ниспошлетъ весны благодатной дыханье.
Я принесъ тебѣ даръ драгоценнѣйшій нашей долины —
Камень, которому въ Индіи равлаго нѣтъ красотою.»
Молча, полна удивленья, царица взглянула на старца;
Онъ же, рѣчь продолжая, сказалъ: «Тебѣ приносимъ я
Въ даръ цветы, когда на юномъ челѣ твоемъ радость
Разцвѣтала, ни чѣмъ не смущенная, по испытанье
Брама наслалъ на тебя; я вижу, что горе ланиты
Блѣдностію твоею овѣяло; зналъ я, что будешь
День своего рожденья ты провожать со слезами.
Для прекрасныхъ душъ слезы небесная влага,
Отъ которой онѣ вполне разцвѣтаютъ. Такъ Брама

Освѣщаетъ своихъ любимцевъ. Вотъ почему я
Нынѣ къ тебѣ подхожу съ благородѣйшимъ даромъ природы.»
Такъ Браминъ говорилъ и, полный почтенья, поставилъ
Чернаго дерева ящикъ къ ногамъ Саконталы. Чудесно
Свѣтлый камень игралъ, отсюду охваченный чернымъ.
Тутъ склонила царица чело и взглянула на ящикъ
И на камень, своими лучами его наполнявшій,
И съ ланить у нея покатались прозрачныя слезы.
Тихо Браминъ возвращался къ своей одинокой долинь,
Медленно шель онъ и грустью отрадною полонъ былъ старецъ;
Все, казалось ему, онъ видитъ слезу Саконталы.

5.

Грустенъ скитался Браминъ въ своей одинокой пустынь,
Помнилъ царицы-страдалицы тяжкое онъ испытанье;
Вдругъ опять поднялась война ужасная. Мощный
Истребитель, съ своей толпой необузданныхъ полчищъ,
Всталъ на западъ съ тѣмъ, чтобъ земли восточныхъ предѣловъ
Опустошить. И того, о чемъ, наругаясь, задумалъ
Онъ достигнуть, успѣлъ; но все населенье стонало.
Старецъ Брамю день и ночь умолялъ за Викраму
Правосуднаго и за Саконталу царицу,
Сердцу любезную. Но тщетны были моленья,
И военная буря неслася грознымъ потокомъ
Къ самой долинь Брамина, и бичъ притѣснителя всюду
Жертвъ настигалъ. Тогда печальный Браминъ удалился
Въ дикія горы, и жилъ между скаль, чуждаяся встрѣтить
Ликъ человѣческой. Тяжкою скорбыю исполнено было

Сердце старца, и смерти желанной алкаль онъ душею;
Но желанье его не исполнилось. — Много онъ прожилъ
Лѣтъ въ своемъ одиночествѣ между скалами пустыни;
Вдругъ кругомъ раздались вдали веселые звуки
Пѣсень побѣды и мира подъ рокоть трубы и кимвала.
Тутъ главою къ землѣ склонился старецъ въ молитвѣ
Всталъ, помазалъ главу и сказалъ: «Передъ смертью я долженъ
Правыхъ побѣду и ликъ царицы кроткой увидетьъ.»
Тутъ наполнилъ Браминъ опять корзину цвѣтами
Самыми лучшими въ цѣлой долинѣ, и сверху прикрылъ ихъ
Пальмы и маслины тучной младыми побѣгами; тутъ
Вѣтвь положилъ благовонную нѣжно лепечущей мирты.
Скоро потомъ онъ къ престольному граду лицомъ обратился
И въ молчаньи пошелъ чрезъ толпы торжествующихъ гра-
жданъ.
Радостью ликъ засіялъ у старца, когда въ воротахъ онъ
Былъ дворцовыхъ. Отверзши уста, слугамъ онъ придвор-
нымъ
Сталъ говорить: «Ведите меня къ царицѣ, чтобъ могъ я
Жертву свою ей принести. Семь лѣтъ какъ не видѣлъ я міра.»
Слыша рѣчи такія, слуги взглянули на старца,
Смогли и стали плакать. Браминъ же спросилъ ихъ: «Чего вы
Плачете и отъ чего измѣнились такъ ваши лица?»
Слуги на это ему отвѣчали: «Иль ты не житель
Здѣшняго міра, когда одинъ ты не знаешь, что стало?»
И на могилу царицы они повели его. «Видишь —
Такъ говорили они — въ ней сердце не вынесло горя.»
Больше они ничего сказать не могли и рыдали.
Тутъ у старца ликъ просіялъ и затеплилось око
Будто у юцоши, къ небу онъ поднялъ чело и воскликнулъ:

«Развѣ не вижу я Брамь жилища, не вижу сіянья
Вѣчнаго моря лучей, его окружающихъ блескомъ!
И Саконтала предъ нимъ на облакъ ранняго утра
Смотритъ на насъ. Примиренной отчизны чистѣйшая жертва
Жрицею нынѣ она сіяетъ небеснаго міра.
Видишь ли ты, просвѣтлѣнная, я, какъ и прежде бывало,
Здѣсь предъ тобою стою съ моими зеленѣми цвѣтами?»
Тутъ умолкнулъ старецъ, склонясь на цвѣты и могилу.
Тихимъ повѣяло ветромъ и Брама пріялъ его душу.

ПОДРАЖАНИЕ ВОСТОЧНОМУ.

I.

Я люблю его жарко: онъ тигромъ въ бою
Нападаетъ на хищныхъ враговъ;
Я люблю въ немъ отраду, награду мою
И потомка великихъ отцевъ.

Кто бы ни былъ ты, странникъ, простой иль купецъ,
Ни овцы, ни верблюда не тронь —
Отъ кобыль Мугаммеда его жеребецъ,
Что небесный огонь этотъ конь.

Только мирный прищецъ пагибайся въ шатерь
И одежду дорожную скинь;
На услугу и ласку онъ ловокъ и скоръ;
Онъ бадья при колодцѣ пустынь.

Будто мѣсяцъ надъ кедромъ бѣлбеть чалма
У него средь далекихъ степей.
Я люблю и никто — ни Фатима сама —
Не любила пророка сильнѣй.

2.

ИЗЪ СЛАДИ.

Обремененный славой міра,
Сравнийся съ смоквою полей!
Она тѣмъ ниже гнется долу,
Чѣмъ смоквь обильнѣе на ней.

3.

ЯЗЫКЪ ЦВѢТОВЪ.

Мой пучекъ блеститъ росой
Какъ алмазами Калифъ мой,
Я давно хочу съ тобой
Говорить пахучей риѳмой.
Каждый цвѣтъ уже намекъ —
Ты поймешь мои признанья;
Можетъ быть, что весь пучекъ
Намъ откроетъ путь свиданья.

4.

Не дивись, что я черна,
Опаленная лучами;
Посмотри, какъ я стройна
Между старшими сестрами.

Оглянись: сошла вода,
Зимній дождь не хлещетъ болѣ;
На горахъ опять стада
И оратай вышелъ въ поле.

Розой горь меня зови;
Ты красой моею ужаленъ,
И цвѣту я для любви,
Для твоихъ опочиваленъ.

Цѣлый міръ пахнулъ весной,
Тайный жаръ владѣть дѣвой;
Я прильну къ твоей десной,
Ты меня обнимешь лѣвой.

Я пройду къ тебѣ въ ночи
Незамѣтными путями;
Отопрись — и опочій
У меня между грудями.

I.

КЪ ОФЕЛИИ.

Какъ идетъ къ вамъ чепчикъ новой,
Какъ идетъ большая шаль!
Поздравляю васъ съ обновой,
А мнѣ все таки васъ жаль.
Какъ идетъ къ вамъ эта блѣдность,
Эта скрытая печаль,
Эта внутренняя бѣдность,
Мнѣ васъ жаль, да мнѣ васъ жаль.

II.

Не здѣсь ли ты легкою тѣнью,
Мой геній, мой ангелъ, мой другъ,
Бесѣдуешь тихо со мною
И тихо летаешь вокругъ?
И робкимъ даришь вдохновеньемъ,
И сладкій врачуешь недугъ,
И тихимъ даришь сновидѣнемъ,
Мой геній, мой ангелъ, мой другъ.
То вдругъ опечалишь ужасно,
То сердце обрадуешь вдругъ,
А все улыбаешься ясно,
Какъ геній, какъ ангелъ, какъ другъ.

III.

Сосна такъ темна, хоть и мѣсяцъ
Глядитъ между длинныхъ вѣтвей:

То клонить ко сну, то очнешься;
То мельница, то соловей,
То ветра нѣмое лобзанье,
То запахъ фіалки ночной,
То блескъ замороженной даи
И вихря полночнаго вой.
И сладко дремать мнѣ и грустно,
Что сномъ я надежду гублю.
Мой ангель, мой ангель далекій,
Зачѣмъ я такъ сильно люблю?

IV.

Какъ майскій голубоокій
Зефиръ — ты, мой другъ, хороша;
Моя жъ, что Элова арфа,
Чутка и послушна душа!
И струнь у той арфы немного,
Но вѣчно подъ чувствомъ живимъ
Найдетъ она новые звуки
За новымъ дыханьемъ твоимъ.

V.

Я боленъ, Офелія, милая мой другъ!
Ни въ сердце, ни въ око нѣтъ силы.
О, спой мнѣ, какъ носится вѣтеръ вокругъ
Его одинокой могилы.
Душъ раздраженной и груди больной
Понятны и слезы и стоны.
Про иву, про иву зеленую спой,
Про иву сестры Дездемоны.

VI.

Офелія гблa и пѣла,
И пѣла сплетая вѣнки;
Съ цвѣтами, вѣнками и пѣснью
На дно опустила рѣки.
И многое съ пѣснями канеть
Мнѣ въ душу на темное дно,
И много мнѣ чувства и пѣсенъ,
И слезъ и мечтаній дано.

VII.

Какъ Ангелъ неба безмятежный,
Въ сіяньи тихаго огня,
Ты помолишь душою нежною
И за себя и за меня.
Ты отъ меня любви словами
Сомнѣнья духа отжени
И сердце тихими крылами
Твоей молитвы осѣни.

АНТОЛОГИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

1.

Греція.

Тамъ, подъ оливами, близь шумшаго каскада,
Гдѣ сочная трава унизана росой,
Гдѣ радостно кричитъ веселая цикада,
И роза южная гордится красотой;
Гдѣ храмъ оставленный подъялъ свой куполь бѣлый,
И по колоннамъ вверхъ кудрявый плющъ бежитъ —
Мнѣ грустно: міръ боговъ, теперь осиротѣль,
Рука невѣжества забвеніемъ клеймитъ.
Вотще... Въ полночь, какъ соловей восточный
Свисталъ, а я бродилъ незримый за стѣной,
Я видѣлъ: Граціи собирались въ часъ урочный
Въ былой пріютъ заросшею тропой.
Но въ пляскахъ ветреныхъ богини не блистали
Молочной пѣной формъ, при золотой лунѣ,
Нѣтъ; — ставши въ тѣсный кругъ красавицы шептали:
«Элада» — слышалось мнѣ часто въ тишинѣ.

2.

Когда пѣтухъ,
Ударивъ три раза
Крыломъ золотистымъ,
Протяжною пѣсню
Встрѣчаетъ зарю,
И ты, человекъ,

Вливаешь последнюю
Сладкую влагу
Сна на зарь;
Тогда поэтъ....
Нѣтъ! спи утомленный
Заботами дня
Земной страдалецъ!
Ты не поймешь,
Зачѣмъ я бодрствую
Въ таинственномъ храмѣ
Прохладной ночи.

Чу! слышу вздохъ
Ко мнѣ несется
Съ мягкаго ложа,
Гдѣ при серебряной
Лунѣ бѣблютъ
Младья ланиты,
Покрытыя первымъ
Шелковымъ пухомъ,
И гдѣ въ безпорядкѣ
Разсыпаны кудри.
А! слышу, слышу,
Ты также не спишь,
Несчастный влюбленный!

Послушай, что нынѣ
Я слышалъ ночью
Отъ чадъ Сатурна:
Они мнѣ вѣдѣли,

Въ земныхъ страданьяхъ,
Искать изцѣленья
У Вакха. Наполнимъ
Стаканы, — и оба
Заснемъ поутру,
Когда другіе
Пойдутъ трудиться.

5.

ВАКХАНКА.

Подъ тѣнью сладостной полуденнаго сада,
Въ широколиственномъ вѣнкѣ изъ винограда
И влаги Вакховой томительной полна,
Чтобъ духъ перевести замедлилась она.
Закинувъ голову съ улыбкой опьянѣнья,
Прохладнаго она искала дуновенья,
Какъ будто бы волосы ужъ начинали жечь
Горячимъ золотомъ ей розы пышныхъ плечъ,
Одежда жаркая все ниже опускалась
И молодая грудь все больше обнажалась,
А страстные глаза, слезой упоены,
Вращались медленно, желанія полны.

4.

ЛІАНА.

Богини девственной округлыя черты,
Во всемя величїи блестящей наготы,
Я видѣлъ межъ деревъ надъ ясными водами,
Съ продолговатыми, безцвѣтными очами,
Высоко поднялось открытое чело —
Его недвижностью вниманье облегло
И дѣвъ моленію въ тяжелыхъ мукахъ чрева
Внимала чуткая и каменная дѣва.
Зефиръ вечеровой между листовъ проникъ,
Качнулся на водѣ богини ясный ликъ;
Я ждалъ — она пойдетъ съ колчаномъ и стрѣлами,
Молочной бѣлизной мелькая межъ древами,
Взирать на сонный Римъ, на вѣчный славы градъ,
На желтоводный Тибръ, на группы колоннадъ,
На стогны длинныя! Но мраморъ недвижимой
Бѣлѣлъ передо мной красой непостижимой.

5.

Влажное ложе покинувши, Фебъ златокудрый направилъ
Быстрыхъ коней, Фаетонову гибель, за розовый Эось;
Круто напрягши бразды, онъ кругомъ озирался и тотчасъ
Бойкіе взоры его устремились на берегъ пустынный.
Тамъ воскурался туманъ благовоною жертвою: море
Тихо у желтыхъ песковъ почивало; разбитая лодка

Дномъ опрокинута вверхъ, половиной въ водѣ, половиной
Въ утреннемъ воздухѣ темной смолою чернѣла и тутъ же,
Въ лѣво, раскинуты были обломки еловые весель,
Кожаный щитъ и шоломъ опрокинутый полные тины.
Дальше, когда поразсѣялись сѣрыя волны тумана,
Онъ увидалъ на травѣ, подъ зеленымъ навѣсомъ каштана,
(Трижды его объжавши, лоза окружала кистями);
Юношу онъ на травѣ увидалъ: блѣднѣющіе члены
Были раскинуты, правой рукою какъ будто тѣснилъ онъ
Грудь, и на ней-то прекрасное тѣло недвижно лежало,
Лѣвая навзничь упала и бѣлая формы на темной
Зелени травъ благовонныхъ во всей полнотѣ рисовались;
Весь былъ разодранъ хитонъ, округленные бедра болѣли
Будто бы мраморъ пріившій изгибы отъ рукъ Праксителя,
Ноги казали свои покровенныя прахомъ подошвы,
Свѣтлыя кудри чела упали на грудь, осѣняя
Мертвую силу лица и глубоко смертельную язву.

6.

КУСОКЪ МРАМОРА.

Тщетно блуждаетъ мой взоръ измѣря твой начатый мраморъ;
Тщетно пытливая мысль хочетъ загадку рѣшить:
Что одѣваетъ кора грубо изрубленной массы?
Ясное ль Тита чело, Фавна ль измѣнчивый ликъ,
Змѣй примирителя, жезлъ, крылья и станъ быстроногій,
Или стыдливости дѣвъ съ тонкимъ перстомъ на устахъ?

Съ корзиной, полною цвѣтовъ на головъ,
Изъ сумрака аллеи она на свѣтъ ступила
И побѣжала тѣнь за ней по муравъ
И полъ-лица ей тѣнь корзины осѣнила;
Но и подъ тѣнію увидишь ты какъ разъ
Примѣты южнаго созданья безъ ошибки,
По свѣтлomu зрачку неотразимыхъ глазъ,
По откровенности младенческой улыбки.

ПОДРАЖАНІЕ ХУІ ИДИЛИ БЮНА.

Прекрасная звезда Венеры свѣтлоокой,
Пока свое чело за рощею далекой
Діана нежная скрываетъ, освети
Кустарникъ тотъ и холмъ для моего пути.
Я оставляю кровъ не для ночныхъ хищеній,
На спутниковъ въ душѣ не крою покушеній...
Нѣтъ, я люблю и жду возмездія заботъ
Отъ нимфы молодой, красы между красотъ
Какъ въ миріадѣ звездъ Діаной предводимой
Краса ночныхъ небесъ горитъ твой лучъ любимой.

НЕПТУНУ.

Птицей,
Быстро парящей птицей Зевеса,
Быть мнѣ судьбою дано всеобъемлющей.
Нынѣ, крылья раскинувъ надъ бездной
Тверди, нынѣ надъ высюю я
Горной, тамъ, гдѣ у ногъ моихъ
Воды,
Вѣчно несущія бѣлую пѣну,
Стонуть и старый трезубецъ Нептуна
Въ темныхъ рукахъ повелителя строгаго блещеть,
Нить предѣловъ
Къ верху, и нить предѣловъ
Къ низу —
Здравствуй!
На половиномъ пути
Къ вѣчности, здравствуй Нептунъ: надъ собою
Слышишь ли шумныя крылья и вѣтеръ,
Спертый нагрудными сизыми перьями, здравствуй!
Нить мгновенья покою;
Вслѣдъ за тобою летящая
Феба стрѣла, я вижу, стоитъ
Съ визгомъ перья поджавши въ эфиръ,
Ты промчался, пронесся, мелькнулъ и сокрылся,
А я!
Здравствуй Нептунъ!
Слышишь ли, братъ, надъ собою

Шумный полетъ? — Я принесъ
Съ жаркой, далекой земли,
Кровью упитанной,
Трупамъ тучной,
Лавромъ шумящей,
Мой привѣтъ тебѣ: здравствуй Нептунъ!
Вѣчно, вѣчно,
Какъ бы ни мчался ты, братъ мой,
Крылья мои зашумятъ и орлиный
Голосъ къ тебѣ зазвучитъ по Эфиру:
Здравствуй Нептунъ!

10.

ВОДОПАДЪ.

Тамъ, какъ сраженный
Титанъ, простерся
Между скалами,
Обросшій мохомъ,
Съдой гранить
И заперъ пропасть;
Но съ дикой страстью
Стремится въ бездну
Черезъ препоны
Потокъ гремячій,
И мечетъ жемчугъ
Шипучей пѣны
На черный брегъ.

Смотри, какъ быстро
Несется ветка
Къ кипучей безднѣ,
Какъ струйка сильно.
Ее кидаетъ
Съ прозрачной мели
На острый камень.
Мелькнула! — Полно!
Изъ черной бездны
Возврата нѣтъ.
Сльжу глазами
За быстрымъ токомъ.
Какъ присмирѣлъ онъ
Тамъ въ отдаленнѣ;
Какъ будто небо,
Въ немъ хочеть видѣть
Свою красу.
Смотри: — та ветка,
Что тамъ исчезла
Въ пучинѣ лютой,
Плыветъ такъ тихо,
Такъ безмятежно.
По вѣчной влагѣ.

11.

АРХИЛОХЪ.

Здѣсь Архилохъ опочилъ; его въ безпощадные ямбы
Ринула Муза — пѣвцу Іоніи сладостный другъ.

12.

ИЗЪ КАТУМЛА.

Давай любить и жить, о Лезбія, со мной!
За толки стариковъ угрюмыхъ, мы съ тобой,
За всѣ ихъ не дадимъ одной монеты мѣдной.
Пускай свѣтаетъ день и меркнетъ тѣнью блѣдной:
Для насъ, когда заря зайдетъ за небосклонъ,
Настанетъ ночь одна и безконечный сонъ —
Сто разъ цалуй тогда и тысячу и снова
До новой тысячи и вновь до ста другога,
Опять да новыхъ сотъ, до тысячи опять.
Когда же много намъ придется насчитать,
Смѣшаемъ счетъ тогда, чтобъ мы его не знали,
Чтобъ злые намъ съ тобой завидовать не стали,
Узнавъ, какъ много разъ тебя я цѣловалъ.

13.

КЪ ЮНОШЪ.

Друзья, какъ онъ хорошъ за чашею вина,
Какъ молодой души неопытность видна!
Его шестнадцать лѣтъ, его живые взоры,
Ланиты нежныя, заносчивые споры,
Порывы дружества, негодованье, гнѣвъ —
Все общаетъ въ немъ любимца зоркихъ дѣвъ.

14.

ЗАСТОЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Фіяль кипитъ янтарной Иппокреной,
Душа горитъ и силится во мнѣ
Залить въ груди огонь жемчужной пѣной.
Но что забыть? что вспомнить при винѣ?

Красавица съ коварною душою!
Ты божествомъ забытій пышный храмъ!
И вы, друзья, съ притворною слезою!
И вы, враги, съ презрѣнной клеветою!
Забвенъ вамъ!

И вы мечты, которыми прельщался,
И ты судьба, противница мечтамъ,

Довольно я страдалъ и заблуждался,
Надѣясь, слезами обливался....

Забвенье вамъ!

Ты дѣвы грудь, вы кудри золотыя,
Ты Граціи художественный ростъ,
Вы ямочки и щечки огневья,
Ты тѣнь рѣсницъ, вы глазки голубыя...

Вамъ первый тостъ!

И вы друзья святаго вдохновенья,
Съ мечтательной и нежною душой,
Вы полны къ прекрасному стремленья,
Съ тоской души, съ улыбкой умиленья....

Вамъ тостъ второй!

И вы, друзья, съ зелеными вѣнками,
И съ хохотомъ въ досужный Вакха часъ,
Похмѣлья Геній носится надъ вами! —
Поднимемъ кубки дружными руками....

Я пью за васъ!

Фіалъ кипить янтарной Иппокреной,
И что души тревожило покой,
Все умерло въ груди воспламенной,
Все милое воскресло предо мной!

Питомецъ радости, покорный наслажденью,
Зачѣмъ, коварный другъ, не внемля приглашенью,
Нашъ пиръ вечеровой вчера не постыль?
Хозяинъ ласковый къ обѣду пригласилъ
Въ бесѣдку, гдѣ кругомъ, не заслоня сада,
Полувоздушная обстала колоннада.
Діана полная, глядя между ветвей,
Благословляла столь улыбкою своей
И яства жирныя съ ихъ паромъ благовошнымъ,
Отрадно лакомымъ — гулякамъ утонченнымъ.
И отчихъ кладовыхъ старинное добро,
Широкодонныхъ чашъ литое серебро;
А вѣтеръ заревой, по фитилямъ порхая,
Качалъ слегка огни, намъ лица освѣжая.
За чѣмъ ты не сидѣлъ межъ нами у стола?
Тутъ въ розовомъ вѣнкѣ и Лидія была,
И Пирра смуглая, и Цинтія живая,
И ученица музъ Неэра молодая,
Какъ Сафо страстная, пугливая какъ лань...
О другъ! я чувствую, я заплачу ей дань
Любви Проперція тоскливой, безъотрадной;
Я наливалъ вчера рукою безошадной;
Но вспоминалъ тебя, и знаю, въ полъдня
Мѣшалъ въ заздравіяхъ я ваши имена.

16.

Въ златомъ сіяпій лампы полусонной
И, отворя окно въ мой садикъ благовопной,
То прохлаждаемый, то въ сладостномъ жару,
Слѣдилъ я легкую кудрей ея игру:
Дыханьемъ полночи ихъ тихо волновало
И съ милаго чела красиво отдувало....
Дивился молча я волшебной красотѣ,
А мѣсяцъ медленно катился въ высотѣ.

17.

Уснуло озеро; безмолвенъ черный лѣсъ;
Русалка бѣлая небрежно выплываетъ;
Какъ лебедь молодой, луна среди небесъ
Скользитъ и двойника на влагѣ созерцаетъ.
Уснули рыбаки у сонныхъ огоньковъ;
Вѣтрило блѣдное не шевельнетъ ни складкой;
Лишь карпій, порой, плеснетъ у тростниковъ,
Оставя рѣзвый кругъ сребра на влагѣ гладкой.
Какъ тихо.... Каждый звукъ и шорохъ слышу я;
Но звуки тишины ночной не прерываютъ.
Пускай живая трель ярка у соловья,
Пусть шильникъ водяной русалки колыхаютъ.

18.

ИЗЪ АНАКРЕОНА.

Сядь Ваѳиль въ тѣни отраднѣй,
Здѣсь подь деревомъ красивымъ;
Посмотри, до тонкой вѣтки,
Каждый нѣжный листъ трепещеть.
Мимо съ сладостнымъ журчаньемъ
Пробирается источникъ.
Кто такое ложе лѣни
Увидавши проминуешь?

19.

Многимъ богамъ въ тишинѣ я ѳиміамъ воскурю,
Въ помощь не рѣдко съ мольбой многихъ героевъ зову;
Жертвую Музамъ, Дріадамъ, Нимфамъ рѣчистымъ и даже
Глупому Фавну весной первенца стадь берегу.
Пѣсня же первая Вакху, мудрому сыну Семелы.
Ты, Діонисій въ вѣнокъ, грозный владыка ума,
Всѣхъ доступнѣй моимъ мольбамъ и моимъ возліаньямъ,
Ты за утраты мои полной мнѣ чашей воздай...
Гдѣ недоступная дѣва, моихъ помышленій царица?
Въ мраморахъ Фидій своихъ равной не зрѣлъ никогда.
Я же сходнаго съ ней не зналъ созданья, — и что же?
Тирсу покорный, и ей клялся пожертвовать я.
Ждалъ я, безумный, забыться въ дыму и въ чаду приношеній
Новый Калхасъ уже мечъ дерзкой рукой заносилъ;

Мать природа вотще взывала какъ мать Клитемнестра.
Мигъ еще, мигъ — и тебѣ все бы принесъ я Лей.
Мнѣ уже чудился плескъ волнъ забвенія въ барку;
Только заступница дѣвъ, дѣву чудесно спасла.
Дивно свѣтла предо мной Ифигенія къ небу восходить,
Я же кольномъ тугимъ въ бокъ упираю козла.

20.

КЪ КРАСАВЦУ.

Природы баловень, какъ счастливъ ты судьбой!
Всѣмъ нравятся твой ростъ и гордый обликъ твой,
И кудри пышныя безпечною завиты,
И блѣдное чело, и нѣжныя ланиты,
Приподнятая грудь, жемчужной рядъ зубовъ,
И огненный зрачекъ, и бархатная бровь;
А дѣвы юныя, украдкой отъ надзора,
Толкуютъ твой отвѣтъ и выраженъе взора,
И послѣ каждая, вздохнувъ наединѣ,
Промолвить: да! онъ мой — его отдайте мнѣ!
Какъ сонъ младенчества, какъ первое лобзанье,
Съ отрадой сладкою безумнаго желанья,
Ты, полонъ прелести, въ ихъ памяти живешь
И гребню въ ихъ рукахъ искусство придаешь;

Не для тебя ль онъ, съ улыбкою Авроры,
Находятъ новый взглядъ и новые уборы?
Когда же ложе ихъ одынетъ темнота,
Алкаютъ усть твоихъ раскрывшись ихъ уста.

СПбГУ

v

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

1.

Эти думы, эти грезы
Безначальное кольцо
И текутъ ручьями слезы
На горячее лицо.
Сердце хочеть, сердце просить,
Слезы льются въ два ручья,
Далеко меня уносить,
А куда — не знаю я.
Не могу унять стременье,
Я не въ силахъ не желать:
Эти грезы — наслажденье!
Эти слезы — благодать!

2.

ХАНДРА.

(1).

Непогода — осень — куришь,
Куришь — все какъ будто мало.
Хоть читалъ бы, только чтенье
Подвигается такъ вяло;
Сѣрый день ползеть лѣниво,
И болтають нестерпимо

На стѣнѣ часы стѣнные
Языкомъ неумоимо;
Сердце стынеть по немногу
И у жаркаго камина
Лѣзеть въ голову больную
Все такая чертовщина!
Надъ дымящимся стаканомъ
Остывающаго чаю.
Слава Богу! по немногу,
Будто вечеръ, засыпаю....
Но болѣзненно-тревожна
Принужденная дремота.
Точно въ комнату соседней
Учатъ азбукъ кого-то,
Или, кто ихъ знаетъ? гдѣ-то,
Въ кабинетъ или въ залъ,
Съ пискомъ, визгомъ, пляшутъ крысы
Въ худо-запертомъ роялѣ.

(2.)

Не ворчи, мой котъ мурлыка,
Въ неподвижномъ полуснѣ;
Безъ тебя темно и дико
Въ нашей сторонѣ;
Безъ тебя все та же печка,
Тѣ же окна, какъ вчера;
Тѣ же двери, та же свѣчка
И опять хандра....

У сосѣда ненарокомъ
Я сказалъ ей слова три
О прекрасномъ, о высокомъ —
Скука хоть умри!
Неотвязчивая вьюга
Разыгралася въ трубъ....
Отъ двоякаго недуга
Такъ не по себѣ.
Не ворчи же, котъ мурлыка,
Въ неподвижномъ полуснѣ;
Безъ тебя темно и дико
Въ нашей сторонѣ.

(5)

Другъ мой! я сегодня боленъ;
Знать повѣтріе такое....
Право, я въ себѣ неволенъ,
Не найдусь никакъ въ покоѣ....
Не ошибся я въ надеждѣ:
Ты умна и молчалива,
Ты все та же, что и прежде:
И добра и горделива.
На дворѣ у насъ ненастье,
На дворѣ гулять опасно.
Дай мнѣ руку, дай на счастье....
У тебя тепло и ясно.
Ахъ, давно-ли у тебя я,—
Такъ безпечно, такъ лѣниво,—

Все на светъ забывая,
Быль покорень молчаливо.
А теперь зачѣмъ въ углу томъ,
За широкою гардиной...
Вонъ, вонъ тотъ, что смотритъ плутомъ,
Съ черной мордою козминой.
Не могу не ненавидѣть
Этихъ глазъ въ досадной рожѣ!
Право, скучно, грустно видѣть
Каждый день одно и то же.
Понимаю эти ласки,
Взоръ печали безпредѣльной.
Нѣтъ ли, другъ мой, нѣтъ ли сказки,
Нѣтъ ли пѣсни колыбельной,
Чтобы пѣсню смягчалось
То, что въ сказкѣ растревожить;
Чтобы сердце хоть пугалось,
Коль любить оно не можетъ.

5.

На водахъ Гвадалквивира
Мѣсяць длинной полосой;
Отъ незримыхъ устъ зефира
Влага блещетъ чешуей.
Все уснуло.... лишь мгновенной
Меркнетъ лучъ во тѣмъ окна,
Да гитарой отдаленной
Тишина потрясена.

Да звезда съ высотъ ээира
Раскатилася дугой....
На водахъ Гвадалквивира
Мѣсяць длинной полосой....

4.

ВЕНЕЦІЯ НОЧЬЮ.

Всплески волнь сверкають ярко,
Ударяя о гранить;
Дремлетъ левъ святаго Марка
И царица моря спить.

По каналамъ посребрѣннымъ
Опрокинулись дворцы
И блестятъ весломъ безсоннымъ
Запоздалые гребцы.

Звѣздъ сіяють мириады,
Чутко въ воздухъ ночномъ;
Осребренныя громады
Въковымъ уснули сномъ.

5.

Подвѣсь живыми снами,
Говори душѣ моей;
Что не выскажешь словами,
Звукомъ на душу навѣй.

6.

ВЕСНА.

Ужъ верба вся пушистая
Раскинулась кругомъ;
Опять весна душистая
Повѣяла крыломъ.
Станицей тучки носятся,
Тепло озарены,
И въ душу мощно просятся
Блистательные сны.
Вездѣ разнообразною
Картиной занять взглядъ,
Шумить толпою праздною
Народъ — чему-то радъ.
Дитя тысячеглавое
Не знаетъ онъ, что въ немъ
Привѣтно-величавое
Зажглось святымъ огнемъ;

Что жизни тайной жаждою
Невольно жизнь полна;
Что надъ душою каждою
Проносится весна.

7.

ПОСВЯЩЕНИЕ КЪ ФАУСТУ.

(Г—ву).

Вы вновь ко мнѣ, воздушныя видѣнья!
Давно знакомъ печальный съ вами взоръ!
Иль сердце къ вамъ полно опять стремленья,
Иль грудь хранить безуміе съ тѣхъ поръ?
Вы принесли! Я полонъ умиленья;
Въ туманной мглѣ привѣтствую вашъ хоръ!
Трепещетъ грудь младенческими снами
Отъ волшебства, навѣяннаго вами.
Вы обновили свѣтлыхъ лѣтъ картину,
И много милыхъ ожило тѣней.
Подобно сагъ, смолкшей вполонину,
Звучать любовь и дружба прежнихъ дней.
И больно мнѣ, — давнишнюю кручину
Несетъ мнѣ жизнь со всѣхъ своихъ путей,
И кличетъ тѣхъ, которыхъ въ мигъ участья
И унесло и обмануло счастье.
Имъ не слыхать послѣдующихъ пѣсенъ
Всѣмъ тѣмъ, кому я первыя пѣвалъ.

Кружокъ прѣвѣтный избранныхъ сталъ тѣсенъ
И отголосокъ первый отзвучалъ.
Кому пою, тотъ кругъ мнѣ не извѣстенъ,
Его прѣвѣтъ мнѣ сердце запугалъ;
А ты, чей слухъ мою и любить лиру,
Хотя въ живыхъ, разсыяны по міру.
И вновь во мнѣ отвычное стремленье
Въ тотъ кроткій міръ къ задумчивымъ духамъ,
Неясное подъемлю пѣснопѣнье
Подобное золовымъ струнамъ,
Проснулось въ строгомъ сердцѣ умиленье,
Невольно слезы слѣдуютъ слезамъ;
Все, чѣмъ владѣю, кажется мнѣ живо,
А что прошло—передо мною живо.

8.

ДОБРЫЙ ДЕНЬ.

Вотъ снова ночь съ своей тоской безонной
Дрожить при блескѣ дня;
Съ улыбкою мой демонъ искушенной
Взираетъ на меня.
Онъ видитъ все—улыбку, вздохъ и слезы.
Пусть онъ ихъ видитъ — пусть!
Давнымъ давно безсонницу и грезы
Онъ знаетъ наизусть.
Пускай весна нарядъ свой пестрый кажетъ
И я вокругъ гляжу;

Онъ знаетъ все, что сердце твари скажетъ,
Что людямъ я скажу.
Ему смѣшно, что напередъ онъ знаетъ,
Чѣмъ дума занята,
Что ясно такъ и внятно, онъ читаетъ
По книгѣ живота.
Какъ мраморный, блестящій и холодной,
Мой прорицатель дня,
Съ улыбкой злой и-гордо благородной
Онъ смотритъ на меня.

9.

КЪ КАРТИНѢ.

Не говори, что счастливъ я,
Что я хорошъ собой,
Что Богъ благословилъ меня
Прекрасною женой.

Не говори, что жизнь сумить
Мнѣ счастье впереди,
Что крошка сынъ нашъ тихо спитъ,
Прильнувъ къ родной груди.

Напрасныхъ словъ не расточай:
Не нуженъ мой отвѣтъ.
Взгляни въ глаза и отвѣчай:
Что счастливъ я иль нѣтъ?

Скажи, ты видишь по глазамъ,
По сердцу ль мнѣ покой?
Иль можетъ быть я жизнь отдамъ,
Помѣряться съ судьбой.

Отдамъ, что было мнѣ дано
Блаженства и тоски
За взглядъ, улыбку — за одно
Пожатіе руки.

10.

КУРГАНЪ.

Другъ вѣковъ, повѣренный преданій,
Ты одинъ среди братіи своей
Сохранилъ сокровищъ и дѣяній
Вѣковую тайну отъ людей.

Что же дубъ съ кудрявой головою
Не возвращень твой подвигъ отмѣчать
И не свѣтитъ въ сумракъ надъ тобою
Огонекъ — избранія печать.

Какъ на всѣхъ, орель съ неизмѣримой
На тебя слетаетъ высоты
И срѣзаетъ плугъ неумолимой
Всѣхъ приметъ последніе слѣды.

Чтожь ты дремлешь, силой чудотворной?
Возрости темно-кудрявый дубъ,
Сокруши о камень непокорный
Злаго плуга неотвязный зубъ.

Оттого-то, странникъ безпримѣтный,
На степи я вѣчно здѣсь молчу,
Что навѣкъ въ груди мой кладъ заветный
Ото всѣхъ я затаить хочу.

11.

Полно спать: тебѣ двѣ розы
Я принесъ съ разсвѣтомъ дня.
Сквозь серебряныя слезы
Ярче нѣга ихъ огня.

Дрожь въ рукахъ твои угрозы
Помню я; но дремлешь ты,
И роняютъ тихо слезы
Ароматные цветы.

12.

Ты говоришь мнѣ: прости!
Я говорю: до свиданья!

Ты говоришь: не грусти!
Я замышляю признанья.

Дивный былъ вечеръ вчера!
Долго онъ будетъ въ поминъ;
Всѣмъ — только намъ не пора:
Пламя блѣднѣетъ въ каминъ.

Что же, къ чему этотъ взглядъ?
Гдѣ жъ мой язвительный холодъ?
Грусти твоей ли я радъ?
Знать я надмененъ и молодъ.

Чтожъ ты вздохнула? — цвѣсти
Цѣль вѣковая созданья;
Ты говоришь мнѣ: прости!
Я говорю: до свиданья!

ТУЧКА.

15.

Тучка челнъ-небесъ волною
Обданная паромъ,
Между мною и луною
Ты плывешь не даромъ:
Отъ луны твой свѣтъ, что ставить
Тронъ полночный Богу;
Отъ меня жъ возьми, что давить
Думу и тревогу.

Спать она — тяжелой битвой
Думь не возмутима;
Ты жь надъ ней съ моей молитвой
Пронесися мимо.

14.

СВОБОДА И НЕВОЛЯ.

Видишь, мы теперь свободны.
Вьдь одно свобода съ платой:
Мы за каждый мигъ блаженства
Жизни отдали утратой.

Что жь не вижу я улыбки?
Иль сильнѣй всего привычка?
Или ты теперь изъ клетки
Поздно пущенная птичка?

Птичка радость, другъ мой птичка,
Разлюби иную долю!
Видишь, я отверзь объятья:
Полети ко мнѣ въ неволю.

15.

Сядь у моря — жди погоды.
Отъ чего жъ не ждать?
Будто воды наши годы
Стануть прибывать.
Поразвѣтъ пыль горячій,
Проминетъ бѣда
И подъ камень подъ лежачій
Потечетъ вода.
И отступится кручина,
Что свекровь стара;
Накидаетъ мнѣ пучина
Всякаго добра.
Будто воды наши годы
Стануть прибывать.
Сядь у моря, жди погоды;
Отъ чего жъ не ждать?

16.

Б. МЪ

при полученіи цвѣтовъ и нотъ.

Откуда вдругъ въ смиренный уголь мой
Двойкой роскоши избытокъ,
Прекрасный даръ, неожиданный и двойной,
Цвѣты и пѣсни дивной свитокъ?
Мой жадный взоръ къ чертамъ его преникъ.
Внемлю живительному звуку
И узнаю подъ бархатомъ гвоздикъ
Благоухающую руку.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Сердце — забудка!
Угомонъ возьми,
Хоть на мигъ разсудка
Голосу вонми.
Радъ принять душою
Всю болѣзнь твою!
Спи, Господь съ тобою,
Баюшки — баю!

Не касайся къ ранѣ:
Станеть подживать!
Не тоскуй по нянь,
Что ушла гулять;
Это только шутка:
Няню жди свою.
Засыпай малютка,
Баюшки — баю!

А не то другая
Нянюшка прійдетъ,
Сядетъ молодая,
Пѣсни запоетъ:
»Посмотри, родное,
»На красу мою,
»Да усни въ покоѣ.
»Баюшки — баю!»

Чтожъ ты повернулось?
Старой няни жаль!
Знать опять проснулась
Старая печаль?
Знать пуста скамейка,
Даромъ что пою:
Что жъ она, злодѣйка?
Баюшки—баю!

Подожди, вотъ къ лѣту
Станешь подростать,
Колыбелку эту
Надо промѣнять.
Я кровать большую
Дамъ тебѣ свою
И свѣчу задую.
Баюшки — баю!

И долга кроватка,
И безъ няни въ ней
Спится сладко — сладко,
До скончанья дней.
Перестанешь биться
И на вѣкъ въ раю,
Только будетъ сниться
Баюшки — баю!

18.

Я зналъ ее маютокою кудрявой,
Голубоглазой девочкой; она,
Казалось, вся изъ рывности лукавой
И скромности румяной сложена.
И въ ть лета какой-то кругъ влеченья
Былъ у ней, и звалъ ее ласкать;
На ней лежалъ отъенокъ предпочтенья
И женскаго служенія печать.
Я зналъ ее красавицей; горели
Ея глаза священной тишиной.
Какъ свѣтлый день, какъ ясный звукъ свирли
Она неслась надъ грѣшиною землей.
Я зналъ его — и какъ она любила,
Какъ искренно предъ нимъ она цвѣла,
Какъ много слезъ она ему дарила,
Какъ много счастья въ душу пролила!
Я видѣлъ часъ ея благословенья,
Дѣтей въ слезахъ, покинувшую мать;
На ней лежалъ отъенокъ предпочтенья
И женскаго служенія печать.

19.

Еще весна — какъ будто не земной
Какой-то духъ почнымъ владѣетъ садомъ.
Иду я молча, — медленно и рядомъ.
Мой темный профиль движется со мной.

Полуодтввшись, вѣтви предають
Лазурь небесъ—туманъ подернулъ траву,
А я иду и радъ святому праву
Ходить—иду, и соловьи поютъ.

Несбыточное грезится опять,
Несбыточное въ нашемъ бѣдномъ мірѣ,
И грудь вздыхаетъ радостный и ширѣ,
И вновь кого-то хочется обнять.

А будетъ время снова искупить
Весна природу будетъ торопиться;
Но это сердце перестанетъ биться
И ни чего не будетъ ужъ любить.

20.

ЛИХОРАДКА.

Няня, что-то все не сладко!
Дай-ка сахаръ мнѣ да ромъ:
Все какъ будто лихорадка,
Точно холоденъ нашъ домъ.

Ахъ! родимой—Богъ съ тобою,
Подойти нельзя къ печамъ.
При себѣ всегда закрою,
Топимъ жарко — знаешь самъ.

Ты бы шторку опустила....
Дай-ка книгу.... Не хочу,
Ты намѣдни говорила,
Лихорадка... я щучу....

Что за шутка съ позаранокъ!
Ужъ повѣрь моимъ словамъ:
Сѣстры девять лихоманокъ
Часто ходять по ночамъ.

Вншь нелегкая ихъ носить
Сонныхъ въ губы цѣловать!
Всякой болѣсти напросить
И поидеть тебѣ трепать.

Вѣрю, няня!... Нѣтъ-ли шубы...
Хоть всего не помню сна,
Цѣловала крѣпко въ губы —
Лихорадка ли она?

24.

О, не зови! страстей твоихъ такъ звонокъ

Родной языкъ.

Ему внимать и плакать, какъ ребенокъ,

Я такъ привыкъ.

Передо мной дай волю сердцу биться

И не лукавь,

Я знаю край, гдѣ все, что можетъ спиться,
Трепещеть въ явь.
Скажи, не я-ль на первыя воззванья,
Страстей въ отвѣтъ,
Искаль блаженствъ, которымъ пѣть названья
И мѣры пѣть?
Чтожь? Рухнула со трескомъ колесница,
Хоть цѣль вдали,
И распростертъ заносчивый возница
Лежить въ пыли.
Я это зналъ — съ послѣднимъ увлеченьемъ
Конецъ всему;
Но самый прахъ съ любовью, съ наслажденьемъ
Я обойму.
Такъ предо мной дай волю сердцу биться
И не лукавь!
Я знаю край, гдѣ все, что можетъ спиться,
Трепещеть въ явь.
И не зови — но пѣсно на удачу
Любви запой.
На первый звукъ я какъ дитя замлачу —
И за тобой....

Дитя, покорное любви,
Моихъ стиховъ не назови

Ты самолюбіемъ нескромнымъ.
О! нѣтъ! мой стихъ не могъ молчать,
На немъ легла твоя печать
Съ раздумьемъ тягостнымъ и томнымъ.

Не говорю тебѣ — прости!
Твоя судьба — одной цвести;
Да мимо идеть зовь мятежной.
Какъ въ жизни разъ и въ пѣсни тожъ
Ты разъ мнѣ сердце потревожь
И уносишь прекрасной, нѣжной!

И завтра свѣтлый образъ весь
Исчезнетъ тамъ, исчезнетъ здѣсь;
Про твой удѣлъ никто не спроситъ
И запахъ лилии почной
Не достигнетъ луны родной,
Полночный вѣтръ его разноситъ.

А. Л. БРЖЕСКОЙ.

Я вамъ пророчилъ поклоненье,
Вънецъ прекрасному челу,
И расточалъ свое умѣнье
Воздать вамъ должную хвалу.

Теперь же слабый мой умишка
Небольше сдѣлаетъ добра,
Какъ театральная афишка
О пьесъ, сыгранной вчера.

24.

Подъ палаткою пунцовой,
Безъ певольниковъ, одинъ,
Съ одалиской чернобровой
Разстается властелинъ:

« Сара, Гурія Пророка,
Солнце дней, источникъ силъ,
Сара, утро не далеко
И проснется Израиль.

Гдѣ-то завтра, послѣ бою,
Слова ноги подогну?
Иль усталой головою
Беззаботно отдохну?

Съ новой ночью, съ новой кущей,
Пылкой страсти вопреки,
Не коснусь твоей цветущей,
Нарумяненной щеки.

Предъ тобою на бездѣльи
Свой камянъ не закурю

И въ глаза твои газельи
Полонъ думъ не посмотрю.

И рукой моей усталой
У тебя не обовью
Черныхъ косъ по фескв алой
Чешуйчатую змью.

25.

ЗОЛОВА АРФА.

Онъ.

По листьямъ пронесся шорохъ,
Каждый мигъ въ блаженствѣ дорогъ,
Въ пѣсни каждый звукъ....
Тамъ, гдѣ первое не ясно,
Все, хоть будь оно прекрасно,
Исчезаетъ вдругъ.

Она.

О! не только что внимала,
Я давно предъугадала
Все твои мечты....
Но настроенная выше,
Я рассказываю тише,
Что мечтаешь ты.

Опъ.

Я на всякіе звуки готовъ,
Но не самъ говорю я струной:
Только формы воздушныхъ перстовъ
Обливаю звончатою волной.
Отъ того-то въ разлукъ съ тобой
Слышу я беззвучную дрожь,
Отъ того-то и ты узнаешь
Все, что здѣсь совершится со мной.

Она.

Если мнѣ повелитель вѣтровъ
Звукъ два перекинетъ порой,
Но такихъ, гдѣ трепещетъ любовь,
Я невольно пою за тобой...
Ахъ! запой поскорѣе, запой!
Ты не знаешь, что случилось со мной!
Этотъ перстъ такъ прозрачно хорошъ,
Подъ которымъ любовь ты поешь.

Послѣ ранняго несчастья,
Что за ростъ и цвѣтъ обильный!
Ты даешь мнѣ столько счастья,
Что сносить лишь можетъ сильный.

Нынѣ чувства стали рѣдки,
Ты же мнѣ милый свободы;
Но боюсь я той бесѣдки,
Гдѣ у ногъ починуть воды.

Сердце чуетъ, что не даромъ
Нынѣе счастье такое;
Я въ водѣ горю пожаромъ,
А въ глазахъ твоихъ такъ вдвое.

27.

Мудрымъ нужно слово свѣта,
Дружбѣ сладокъ гласъ участя;
Но влюбленный ждетъ привѣта —
Обновительнаго счастья.

Я-жъ не знаю въ жизни здѣшней,
Думы-ль правы, чувства-ль правы;
Отъ чего такъ мѣсяцъ вешній
Жемчугомъ осыпалъ травы.

Что онѣ дрожать, какъ слезы
Голубаго неба очи,
И за чѣмъ въ такія грезы
Манить мглу любовникъ почи?

Ждетъ онъ что ли? Мнѣ сдается,
Что напрасно я гадаю.
Слышу сердце чаще бьется,
И со мною что? — не знаю.

28.

Мы съ тобой не просимъ чуда:
Только истинное чудно.
Нѣтъ для духа больше худа,
Какъ увлечься безразсудно.
Нынче, завтра — кругъ волшебный
Будетъ немъ и будетъ тѣсень;
Оглянись и мѣръ всеневный
Многоцвѣтень и чудесень.
Время жизни скоротечно,
Но въ одномъ предѣлѣ круга
Наши очи могутъ вѣчно
Пересказывать другъ друга.

29.

Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ,
Разказать, что солнце встало,
Что оно горячимъ свѣтомъ
По листьямъ затрепетало;

Разказать, что лесь проснулся,
Весь проснулся вѣткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весней полонъ жаждой;
Разказать, что съ той же страстью,
Какъ вчера — пришелъ я снова,
Что душа все такъ же счастью
И тебѣ служить готова;
Разказать, что отовсюду
На меня весельемъ вѣсть,
Что не знаю самъ, что буду
Пѣть — но только пѣсня зрѣть.

50.

ДАЛЬ

Облакомъ волнистымъ
Прахъ встаетъ вдали;
Конный или пѣшій—
Не видать въ пыли!

Вижу: кто-то скачетъ
На лихомъ конѣ.
Другъ мой, другъ далекій,
Вспомни обо мнѣ!

51.

МОЯ УДИША.

Она рѣзва
Какъ рыбка:
Ея слова
Такъ гнѣбо
Шутить въ рѣчи
Готовы,
И что ключи
Все новы....
Она свѣтлѣй
Фонтана,
Она скрѣпѣй
Тумана;
Не много зла,
Ревнива....
За то мила
Надиво.

52.

ПЕРЧАТКА.

Перчатку эту
Я подстерегъ:
Она поэту
Нѣмой залогъ

Душистой ночи,
Гдѣ при свѣчахъ
Глядѣлись очи
Въ моихъ очахъ;
Гдѣ вихрь круженій
Качаль цветы,
Гдѣ легче тѣни
Носилась ты;
Гдѣ я, какъ школьникъ,
За мотылькомъ,
Иль какъ невольникъ,
Нуждой влекомъ,
Слѣдилъ твой сладкой,
Душистый кругъ,
И вотъ украдкой,
Мой пѣжнѣй другъ,
Перчатку эту
Я подстерегъ:
Она поэту
Нѣмой замогъ.

На зарѣ ты ея не буди,
На зарѣ она сладко такъ спитъ;
Утро дышетъ у ней на груди,
Ярко дышетъ на ямкахъ ланитъ;

И подушка ея горяча,
И горячь утомительный сонъ,
И чернѣясь бѣгутъ на плеча
Косы лентой съ обѣихъ сторонъ.

А вчера у окна ввечеру
Долго, долго сидѣла она,
И слѣдила по тучамъ игру,
Что скользя затѣвала луна.

И старалась понять темноту,
Гдѣ свисталь и урчаль соловей
То на небѣ, то въ звонкомъ саду;
Билось сердце слышнѣе у ней.

И чѣмъ ярче играла луна,
И чѣмъ громче свисталь соловей,
Все блѣднѣй становилась она,
Сердце билось больнѣй и больнѣй.

Отъ того-то на юной груди,
На ланитахъ такъ утро горить.
Не буди жъ ты ее, не буди
На зарѣ — она сладко такъ спить!

54.

Какая холодная осень!
Надень свою шаль и капоть,
Смотри: изъ-за дремлющихъ сосенъ
Какъ будто пожаръ возстаетъ.

Сіяніе сѣверной ночи
Я помню всегда близъ тебя,
И свѣтятъ фосфорныя очи,
Да только не грѣютъ меня.

55.

ДЕРЕВНЯ.

Люблю я пріютъ вашъ печальный,
И вечеръ деревни глухой,
И за лесомъ благовѣсть дальный,
И кровлю и крестъ золотой.
Люблю я немятаго луга
Къ окну подползающей паръ,
И тѣснаго тихаго круга
Не разъ долитой самоваръ.
Люблю я на тѣхъ посидѣлкахъ
Старушки чепецъ и очки;
Люблю на окнѣ на тарелкахъ
Овса золотые злочки;

На столикъ близко къ окошку
Корзину съ узорнымъ чулкомъ
И по полу рѣзвую кошку
Въ прыжкахъ за проворнымъ клубкомъ;
И милой застенчивой внучки
Красивый дѣвичій нарядъ,
Движеніе блѣденькой ручки
И робко опущенный взглядъ;
Прощанье смолкающихъ пташекъ,
И мѣсяца блѣдный восходъ.
Дрожанье форфоровыхъ чашекъ,
И рѣчи замедленный ходъ;
И собственной выдумки сказки,
Пролады вечерней струю,
И вась любопытные глазки,
Живую награду мою.

56.

Ахъ, дитя, къ тебѣ привязанъ
Я любовью безвозмездной!
Нынче ты, моя малютка,
Снилась мнѣ въ коронѣ звездной.
Что за искры эти звезды!
Что за кроткое сіянье!
Ты сама, моя малютка,
Что за свѣтлое созданье!

57.

Въ небесахъ летаютъ тучи,
На листахъ сверкаютъ слёзы;
До росы шипки грустили,
А теперь смьются розы.

Посль грома воздухъ чище
И свѣже дышать люди;
Подъ рѣсницей орошенной
Какъ-то легче жаркой груди.

На природѣ съ каждой каплей
Зеленѣетъ вся одежда;
Въ небѣ радуга сіяетъ,
Для души горитъ надежда.

58.

УЗНИКЪ.

Густая крапива
Шумитъ подь окномъ,
Зеленая ива
Повисла шатромъ;
Веселыя лодки
Въ дали голубой;

Жельзо рѣшотки
Свистить подь пилой.
Отпѣтое горе
Уснуло въ груди,
Свобода и море
Горять впереди.
Прибавилось духа,
Затихла тоска,
И слушаеть ухо
И пилить рука.

59.

Ночь. Не слышно городскаго шума,
Въ небесахъ звезда, и отъ нее,
Будто искра, заронилась дума
Тайно въ сердце грустное мое.

И свѣтла, прозрачна дума эта,
Будто милыхъ взоровъ мѣткій взглядъ;
Глубь души полна роднаго свѣта,
И давнишней гостьѣ опытъ радъ.

Тихо все, покойно, какъ и прежде;
Но рукой незримой снять покровъ
Темной грусти. Вѣрь и надеждѣ
Грудь раскрыла, можетъ быть, любовь.

Чтожъ такое? Близкая утрата
Или радость? — Нѣтъ, необъяснишь; —
Но оно такъ пламенно, такъ свято,
Что за жизнь Творца благодаришь.

40.

ВИДѢНІЕ.

Не ночью, не лживо
Во снѣ пролетѣло видѣнье;
Свершилося диво:
Земль подобаетъ смиренье.
Прозрачныя тучи
Надъ дикой Печерской горою
Сплывалися въ кучи
Подъ зыбью небесъ голубою.
И юноши въ бѣломъ
Летали отъ края до края,
Прославленнымъ тѣломъ
Очамъ умиленнымъ сіяя.
На тучахъ высоко
Все выше, въ сіяніи славы,
Замѣтно для ока,
Вставали Печерскія главы. . . .

41.

AVE MARIA.

Aves Maria — лампада тиха,
Въ сердцѣ готовы четыре стиха:
Чистая Дѣва, скорбящаго Мать,
Душу проникла Твоя благодать.

Неба Царица! не въ блескѣ лучей,
Въ тихомъ предстань сновидѣннй ей!
Ave Maria, — лампада тиха,
Я прошепталь всѣ четыре стиха.

42.

Опять я затеплю лампаду
И вѣчную книгу раскрою,
Опять помолюся Пречистой
Съ невольно-горячей слезою.

Опять посѣтитъ меня радость
Безъ бури тоски и веселья,
И снова безмолвныя стѣны
Раздвинетъ уютная келья.

Прочь горе земное: одно лишь
Про землю напомнить мнѣ внятно,
Когда, обращая страницу,
Увижу прозрачныя пятна.

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

I.

Красавица-рыбачка,
Причалъ свою ладью,
Поди и сядь со мною,
Дай руку мнѣ свою;
Довѣрчиво головкой
На грудь склонись ко мнѣ:
Вѣдь ты жъ себя ввѣряешь
Безпечно глубинѣ.
Съ приливомъ и отливомъ
Что море — грудь моя,
И много чудныхъ перловъ
Во глубинѣ ея.

II.

На сѣверъ дубъ одинокій
Стоитъ на пригоркѣ крутомъ;
Онъ дремлетъ — сурово покрытый
И снѣжнымъ и лдянымъ ковромъ.
Во снѣ ему видится пальма,
Въ далекой восточной странѣ,
Въ безмолвной глубокой печали,
Одна на горячей скалѣ.

III.

Изъ слезъ моихъ много родится
Роскошныхъ и пестрыхъ цвѣтовъ;
И вздохи мои обратятся
Въ полунощный хоръ соловьевъ.
Дитя! если ты меня любишь,
Цвѣты всѣ тебѣ подарю,
И пѣснь соловьиная встрѣтитъ
Подъ милымъ окошкомъ зарю.

IV.

Хотѣлъ я съ тобою остаться,
Забиться, моя красота;
Но было намъ должно разстаться:
Ты чѣмъ-то была занята.
Тебѣ я сказала, что связала
Намъ души незримая связь,
Но ты отъ души хохотала
И ты мнѣ прислала смѣхъ.
Страданья прибавить умѣла
Ты чувствамъ влюбленнымъ моимъ
И даже польстить не хотѣла
Прощальнымъ лобзаньемъ твоимъ.
Не думай, что я застрѣлюся,
Какъ мнѣ и ни горекъ отказъ;
Все это, мой другъ, признаюся,
Со мною бывало не разъ.

v.

Твои пылаютъ щеки
Румянцемъ лѣтнихъ розъ,
А у тебя на сердце
Рождественскій морозъ.

Измѣнится все это —
Увидишь ты сама:
На сердце будетъ пламя
И на щекахъ зима.

vi.

По бульварамъ Саламанки
Воздухъ благотворной;
Тамъ въ прохладный лѣтній вечеръ
Я гуляю съ милой донной.

Я рукой нетерпливой
Обнялъ стройное созданье,
И блаженнымъ пальцемъ слышу
Гордой груди волнованье.

Но по липкамъ слышенъ шепотъ
Чѣмъ-то полный невеселымъ,
И ручей внизу плотины
Злобно грезить сномъ тяжелымъ.

Ахъ, сеньора, чуешь сердце,
Скоро буду я въ изгнаньи;
По бульварамъ Саламанки
Не ходитъ намъ на гулянья.

VII.

Какъ цвѣтъ ты чиста и прекрасна,
Нежна какъ цвѣтокъ по веснѣ;
Взгляну на тебя, и тревога
Прокрадется въ сердце ко мнѣ.

И, кажется, будто бѣ я руки
Тебѣ на чело возложилъ,
Молясь, чтобы Богъ тебя чистой,
Прекрасной и нежной хранилъ.

VIII.

Ахъ, опять все тѣже глазки,
Что такъ нежно улыбались,
И опять все тѣже губки,
Что такъ сладко цаловались!

Этотъ голосъ, что внимать я
Такъ любилъ — не изменился;
Только самъ ужъ сталъ не тотъ я,
Измененнымъ воротился.

Вновь меня объемлютъ страстно
Эти пламенные руки;
Но лежу у ней на сердцѣ
Полонъ холода и скуки.

IX.

Какъ луна, свѣтя во мракъ,
Прорѣзаетъ паръ густой,
Такъ изъ темныхъ лѣтъ выходитъ
Свѣтлый образъ предо мной.

Всѣ на палубѣ сидѣли,
Гордо Рейнь судно качалъ,
Поздній лучъ младую зелень
Береговъ озолочалъ.

И у ногъ прекрасной дамы
Я задумчиво сидѣлъ:
Блѣдный ликъ ея на солнцѣ
Краснымъ пламенемъ горѣлъ.

Струны ныли, хоры пѣли,
Жизнь была такъ хороша,
Небо тихо голубѣло,
Разширялася душа.

Чудной сказкою тянулись
Замки, горы мимо насъ,
И все это улыбалось
Мнѣ въ прекрасной парѣ глазъ.

X.

Ланитой къ ланитѣ моей приложись —
Тогда наши слезы сольются
И сердцемъ тѣснѣ мнѣ къ сердцу прижмись —
Огнемъ онѣ общимъ зажгутся.

И если въ тотъ пламень польются рѣкой
Тѣ общія слезы мученья,
Я, крѣпко тебя охвативши рукой,
Умру отъ тоски наслажденья.

XI.

Дитя! мои пѣсни далеко
На крыльяхъ тебя унесутъ,
Къ долинамъ Гангесова тока:
Я знаю тамъ лучшій приютъ.

Тамъ свѣтомъ луны обливаясь,
Въ саду все краснѣя цвѣтетъ,
И лотоса цвѣтъ преклоняясь,
Сестрицу завѣтную ждетъ.

Смѣясь, незабудкины глазки
На дальнія звезды глядятъ,
И розы душистыя сказки
Другъ другу въ ушко говорятъ.

Припрянувъ, внима полныня,
Тамъ смирно газели глядятъ;
А тамъ, въ отдаленіи, волны
Священнаго тока шумятъ.

И тамъ мы подъ пальмой молодою
Любви и покоя полны,
Склонившись, уснемъ и съ тобою
Увидимъ блаженные сны.

ХИ.

Я плакалъ во снѣ: мнѣ приснилось,
Что другъ мой во гробъ лежитъ —
И я проснулся, и долго
Катилися слезы съ ланитъ.

Я плакаль во снѣ: мнѣ приснилось,
Что ты расстаешься со мной —
И я проснулся, и долго
Катилися слезы рѣкой.

Я плакаль во снѣ: мнѣ приснилось,
Что ты меня любишь опять —
И я проснулся, и долго
Не въ силахъ я слезъ былъ унять.

ХІІІ.

ГОРНАЯ ИДИЛЛІЯ.

На горѣ стоитъ избушка,
Гдѣ живетъ старикъ съдой;
Тамъ сосна шумитъ ветвями,
Свѣтитъ мѣсяць золотой.

Посреди избушки кресло,
Пышно рѣзаны края;
Кто на нихъ сидитъ, тотъ счастливъ,
И счастливецъ этотъ — я.

На скамьѣ сидитъ малютка,
Опершись на локотокъ;
Глазки — звезды голубыя,
Ротикъ — розовый цвѣтокъ.

И малютка эти звезды
Кротко на меня взвела,
И лилейный пальчик хитро
Къ розѣ усть приподняла.

Нѣтъ, ни кто насъ не увидить:
Мать такъ пристально прядетъ
И отецъ подь звуки цитры
Пѣсню старую поетъ.

И малютка шепчетъ тихо,
Тихо, звуки затая;
Много тайнъ немаловажныхъ
Отъ нея развѣдалъ я.

«Но какъ тетушка скончалась
И ходить нельзя ужъ намъ
Въ Госларь, гдѣ стрѣльба бываетъ,
А веселье только тамъ.

«Я же робкая такая!
Какъ ребенку страшно мнѣ
Знать, что ночью злые духи
Бродятъ въ нашей сторонѣ.»

Вдругъ малютка приумолкла,
Будто словъ страшась своихъ,
И рученками прикрыла
Звезды глазокъ голубыхъ.

Пуще вѣтръ шумить сосною,
Прялка воетъ и реветъ,
И подь голось звонкой цитры
Пѣсня старая поетъ:

«Не страшись, моя малютка,
Покушеній власти злой;
День и ночь, моя малютка,
Серафимы надь тобой.»

XIV.

ПОСЕЙДОНЪ.

Солнце лучами играло
Надъ моремъ катящимъ далеко валы;
На рейдѣ блисталь въ отдаленьи корабль,
Который въ отчизну меня поджидалъ,
Только попутнаго не было вѣтра,
И я спокойно сидѣль на бѣломъ пескѣ
Пустыннаго брега;
Пѣснь Одиссея читаль я — старую,
Вѣчно юную пѣснь. — Изъ ея
Моремъ шумящимъ страницъ, предо мной
Радостно жизнь поднималась
Дюханьемъ боговъ,

И свѣтлой весной человѣка,
И небомъ цветущимъ Элады.
Благородное сердце мое съ участвомъ слѣдило
За сыномъ Лаэрта въ путяхъ многотрудныхъ его;
Садился съ нимъ въ печальномъ раздумьи
За радушный очагъ,
Гдѣ царицы пурпуръ прядутъ;
Лгать и удачно ему убѣгать помогало
Изъ объятія нимфъ и пещеръ исполиновъ;
За нимъ въ Киммерійскую ночь и въ ненастье
И въ кораблекрушенъе,
И съ нимъ несказанное горе терпѣло.
Вздыхнувши сказалъ я: «Злой Посидонъ,
«Гнѣвъ твой ужасенъ,
«И самъ я боюсь
«Не вернуться въ отчизну.»
Едва я окончилъ,
Запѣнилось море,
И богъ морской изъ бѣлбющихъ волнъ
Главу осокою въичанную поднялъ,
Сказавши въ насмѣшку:
«Что ты боишься, поэтикъ?
Я ни мало не стану тревожить
Твой бѣдный корабликъ,
Не стану въ раздумъе о жизни любезной тебѣ
Вводить излишнею качкой,
Вѣдь ты поэтикъ, меня никогда не сердилъ:
Ни башенки ты не разрушилъ у вратъ
Священнаго града Пріама,
Ни волоса ты не спалилъ на глазу

Полифема любезнаго сына,
И тебѣ не давала советовъ ни въ чемъ
Богиня ума — Паллада Аѳина.»
Такъ воззвалъ Посейдонъ,
И въ море опять погрузился;
И надъ грубою остротой моряка
Подъ водой засмѣялись
Амфитрида — женщина-рыба
И глупыя дщери Нерейя.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
I. Свѣга.	3
II. Гаданія.	9
III. Мелодіи:	
1 Перлы восточныя.	15
2 Какъ умъ къ ней идетъ.	—
3 Не отходи отъ меня.	14
4 Утромъ курится поляна.	—
5 Тихая звѣздная ночь.	13
6 Я полонъ думъ.	—
7 Буря на небѣ вечернемъ.	16
8 Давноль подь волшебные звуки.	—
9 Nostalgia.	17
10 Когда я блестящій твой локонь.	—
11 Въ рукъ съ тамбуриномъ.	18
12 Я узнаю тебя.	—
13 Мы ѣхали двое.	19
14 За красавицу сосѣдку.	—
15 Теплымъ вѣтромъ потянуло.	20
16 Между счастьемъ вѣчнымъ.	21
17 Если зимнее небо.	—
18 Полуночные образы.	22
19 Я долго стоялъ.	—
20 Шумѣла полночная вьюга.	—
21 Улыбка томительной скуки.	25
22 Тихо вечеръ погараеть.	24
23 Тихо ночью на степи.	—
24 За кормою струйки вьются.	25
25 О солнце глазъ безсонныхъ (изъ Байрона).	—
26 Прощай Тереза (изъ Мура).	26
27 Мы одни.	—
28 Недвижныя очи.	28
29 Весеннее небо глядится.	—
30 Какъ мошки зарею.	29
31 Спи еще зарею.	30
32 Veille sur ce que j'aime.	—
33 Какъ отрокъ зарею.	31
34 Свѣжъ и душистъ.	—
35 Младенческой ласки доступенъ.	32

	Стр.
VI. Вечера и ночи	33
IV. Талисманъ	43
V. Баллады:	
1 Змѣй	52
2 Сильфы	—
3 Вампиръ	55
4 Мята	55
5 Дозоръ	57
6 Гера и Леандръ	59
7 Спать пора	61
8 На дворъ не слышно вьюги	62
9 Легенда	63
VII. Сопеты:	
1 О для тебя	65
2 Смотрѣть на васъ	—
3 Рассказывалъ я много	66
4 Владычица Сіона	67
5 Мадонна	—
6 Москва (изъ Кернера)	68
VIII. Соловей и роза	69
IX. Элегіи:	
1 О долго буду я	78
2 Когда мои мечты	—
3 Когда мечтательно	79
4 Помедли, люди спятъ	—
5 Странное чувство	80
6 Впловать ли я	81
7 Я знаю гордая	82
8 Ея не знаетъ свѣтъ	85
9 Эхъ шутки молодость	—
10 Лозы мои	84
11 Тебѣ въ молчаніи	85
X. Саконтала	86
XI. Подражаніе восточному:	
1 Я люблю его жарко	92
2 Изъ Саади	95
3 Языкъ цвѣтовъ	—
4 Не дивись, что я черна	—

Стр.

XII. Къ Офелии. 95

XIII. Антологическія стихотворенія:

1	Греція.....	98
2	Когда пѣтухъ.....	—
3	Вакханка.....	100
4	Діана.....	101
5	Влажное ложе.....	—
6	Кусокъ мрамора.....	102
7	Съ корзиной полною.....	103
8	Подражаніе XVI идилліи Біона.....	—
9	Нептунъ.....	104
10	Водопадъ.....	105
11	Архилохъ.....	107
12	Изъ Катумла.....	—
13	Къ юношѣ.....	108
14	Застольная пѣсня.....	—
15	Нитомецъ радости.....	110
16	Въ златомъ сіяніи.....	111
17	Уснуло озеро.....	—
18	Изъ Анакреона.....	112
19	Многимъ богамъ.....	—
20	Къ красавцу.....	115

XVI. Разныя стихотворенія:

1	Эти думы.....	115
2	Хандра.....	—
3	На водахъ.....	118
4	Венеція ночью.....	110
5	Подѣлись живыми снами.....	120
6	Весна.....	—
7	Посвященіе къ Фаусту.....	121
8	Добрый день.....	122
9	Къ картинѣ.....	125
10	Курганъ.....	124
11	Полно спать.....	125
12	Ты говоришь мнѣ прости.....	—
13	Тучка.....	126
14	Свобода и неволя.....	127
15	Сядь у моря.....	128
16	Б. мѣ.....	—
17	Колыбельная пѣсня.....	129

	<i>Стр.</i>
18 Я зналъ ее малюткою.....	151
19 Еще весна.....	—
20 Лихорадка.....	152
21 О! не зови.....	153
22 Дитя покорное любви.....	154
25 А. Л. Бржеской.....	155
24 Подъ палаткою пунцовой.....	156
25 Эоловы арфы.....	157
26 После раняго несчастья.....	158
27 Мудрымъ нужно.....	159
28 Мы съ тобой не просимъ чуда.....	140
29 Я пришелъ къ тебѣ.....	—
30 Даль.....	141
31 Моя Ундина.....	142
32 Перчатка.....	—
33 На зарѣ ты ее не буди.....	145
34 Какая холодная осень.....	145
35 Деревья.....	—
36 Ахъ дитя, къ тебѣ привязанъ.....	146
37 Въ небесахъ летаютъ тучи.....	147
38 Узникъ.....	—
39 Ночь. Не слышио городского шума.....	148
40 Видѣніе.....	—
41 Ave maria.....	150
42 Опять я затѣню лампаду.....	—
XV. Изъ Гейне:	
1 Красавица рыбачка.....	151
2 На сѣверѣ дубъ.....	—
3 Изъ слезъ моихъ.....	152
4 Хотѣлъ я съ тобою.....	—
5 Твои пылаютъ щеки.....	153
6 По бульварамъ Саламанки.....	—
7 Какъ цвѣтъ ты чиста.....	154
8 Ахъ опять все тѣже глазки.....	—
9 Какъ луна свѣта во мракѣ.....	155
10 Ланитой къ ланитѣ.....	156
11 Дитя мои пѣсни далеко.....	—
12 Я плакалъ во снѣ.....	157
13 Горная идиллія.....	158
14 Посейдонъ.....	160

Слбгу

С 1767

from m/

Слбгу

85p.5

Слблгу

Слбгу

